

Annotation

Первая часть трилогии.

Млада, искусная наёмная убийца, приходит в стольный Кирият, чтобы поступить на службу к правителю. Её ведёт ненависть к общему врагу – племени кочевников-вельдов. Они много лет назад уничтожили её род, а нынче несут смерть жителям княжества. Чтобы утвердиться среди могучих кметей, Младе нужно выполнить поручение: разведать вражеский лагерь. Но, призванное нести благо, важное задание приводит лишь к бедам. На княжество обрушивается древнее колдовство. Страшное и отравляющее. Слово цепью, оно свяжет вместе Младу, пленного мальчика-вельда и молодого владыку Кирилла. Это всего лишь хитроумные козни вельдского жреца или причина лежит гораздо глубже? Чтобы выяснить правду, Младе придётся встать перед выбором: остаться безжалостной убийцей или следовать дорогой чести и совести.

* * *

Елена Счастливая

Воин Забвения

Гранитный чертог

Пролог

Капище горело жарко.

Дубовые идолы ещё не занялись пламенем, но сухую траву между ними оно уже почти совсем сожгло. А истуканов огонь только оглаживал понизу яркими всполохами, будто не решался взяться в полную силу. Лики Богов от грядущей опасности ничуть не менялись. Они так же неподвижно смотрели в пустоту или бесконечность, прошлое или будущее. Так казалось со стороны. А подойди ближе – глянут точно в самую душу.

И, зная, им не понравилась бы та чернота, которую они увидели бы в душе Корибута. Впрочем, ему уже давно стало всё равно, что могли бы подумать о нём Боги, если бы вдруг их хоть на мгновение обеспокоили земные дела и заботы людей. Но им всё нипочём.

Корибут спрыгнул с коня наземь и бросил поводья подоспевшему ватажнику. Остальные всадники нагоняли его со спины. Пешие и вовсе поднимутся к обрыву нескоро. А пока лишь свет их факелов сквозь вечерний полумрак метался вниз. Корибут, придерживая на поясе меч, прошёл по тропе между охваченных дрожащими отсветами пожара сосен. Яростный ветер вздыбил плащ за спиной и бросил в лицо горячую волну от капища.

– Куда ты один, владыка? – запоздало крикнули вслед. – А вдруг стрела...

Не посмеют. Страх не позволит вскинуть лук и натянуть тетиву. Они считают его чудовищем – кошмарным и несокрушимым, как те, которых он призывал. И боятся наказания. Почти все.

Древнеры, те, кто остался в живых, толпились у подножий своих деревянных покровителей. Искали защиты, но верно, знали, что не найдут её. Лишь дойдя до капища, Корибут понял, что здесь вовсе не все сбежавшие из деревни. По всему, женщин и детей с частью воинов древнеры отправили в другую сторону. Тайными тропами, которые знал только их род. А его с приспешниками завели сюда. Только эти последние уловки уже никого не спасут.

Впереди, будто пытаясь заслонить собой потрёпанных, но всё ещё могучих воинов, стоял волхв. Его посеревшая от пыли и копоти рубаха до пят под порывами ветра облепляла тщедушное старческое тело. Седая борода с застрявшими в ней иголками и древесной трухой мела по груди. Но узловатые пальцы всё так же крепко сжимали сучковатый посох с хитро изогнутым навершием.

Корибут сделал ещё шаг и остановился. Выло пламя, стонало горящее дерево занявшихся идолов. Древнеры, продолжая держать бесполезное оружие, боязливо озирались и вздрагивали. Их слишком мало.

Волхв выпростал перед собой руку.

– Гнев Богов не минует тебя, Корибут! – крикнул он на удивление молодым голосом. Мужики за его спиной приободрились. – Одумайся, если ещё можешь!

– Гневом Богов можешь пугать трусливых псов, что ещё силятся тебя защитить, старик. А мне он безразличен. Им не дотянуться до меня. Уже не дотянуться.

Волхв глубже воткнул посох в землю, словно искал опоры. Обеспокоенно он посмотрел поверх плеча Корибута. Значит, из леса уже показались ватажники. А через миг донёсся и глухой стук копыт.

– Нет, Корибут. Из той тьмы, в которую ты добровольно зашёл, тебе не разглядеть всего, что творится вокруг. Забвение застилает тебе взор. Ты мнишь себя равным Богам, но только возишься в пыли у их подошв. И будешь раздавлен.

– Так или нет, тебе уже не суждено увидеть. Ни тебе, ни твоему племени. Я достану каждого из выживших. И они пожалеют, что не подошли раньше, ещё до того, как задумали предать меня.

Корибут махнул рукой вперёд, давая войску приказ наступать. Скорей бы покончить с этим.

Притихшие было позади воины снова хлынули к капищу, которое уже совсем поглотило пламя. От жара стоять рядом становилось решительно невозможно. Древнеры оцетинились оружием, вдруг позабыв про страх. Предсмертное отчаяние может вытеснить из души и его. Тогда мужи бросаются в бой с особой яростью, даже зная, что победить не смогут.

Волхв со спокойной улыбкой гордого отца окинул их взглядом и снова повернулся к Корибуту.

– Ты будешь последним мужем из своего рода, – размеренно и зычно проговорил он. – После тебя не родится мальчиков ни у детей твоих, ни у их детей и дальше. Твоя кровь смешается и растворится в другой. И память о тебе угаснет, как забывается заживший нарыв. Ветер развеет в пыль твой дом, земля поглотит твои кости. Камнем обратится твоя душа. Но не будет тебе покоя. И бессилён ты будешь родиться вновь.

Словно замедлили ход всадники, что ещё миг назад пронеслись мимо в неистовой скачке. Стихли крики и рёв разгорячённых воинов. Замерло пламя, бушующее за спиной волхва, и глянули последний раз идола вверх него, чтобы пропасть насовсем, обратиться тлеющими головнями и золой.

Старик взмахнул в воздухе посохом, вычерчивая мудрёный знак, который на мгновение вспыхнул светящейся полосой, как подброшенная вверх лучина, и погас.

Ринулись в бой древнеры. Первых тут же сбили с ног стрелы, другие и не взглянули на погибших родичей. Они заберут с собой многих, до кого дотянутся мечами и топорами. Но и сами все полягут здесь. На глазах своих Богов, которые не сумели их уберечь.

Иссечённое морщинами лицо волхва ещё мгновение мелькало среди остальных, искажённых яростью и безумием последней схватки. А потом пропало: то ли убила старика случайная стрела, то ли он прыгнул в пламя. Но когда Корибут, вынужденный на ходу меч, прорубился к тому месту, где тот стоял, то никого не нашёл.

Показалось только, что хрипло каркнул над головой ворон.

Прозвучал вдалеке, за опушкой, рог. Знакомый то был звук – с ним выходил на охоту младший брат Корибута со своими ближниками. Он спешил на подмогу погибающим древнерам, но, как ни торопись – не успеет. Ватажники смешались, дрогнули, выискивая глазами предводителя – какие будут приказы? Он ничего не сказал. Лишь, сняв перчатку, приложил руку к земле. Пальцы провалились в податливую, словно тёплая смола, ткань Забвения. Воздух задрожал, но не от дыхания огня, что веселился на остатках капища. Расползся в стороны мрак наступающей ночи, из прорехи хлынула наружу ещё более страшная тьма, а вслед за ней – рык тварей, что там прятались.

– Хоть кто-то отступит – окажется там, – провозгласил Корибут изменившимся голосом, указывая на вздрагивающий проход между мирами.

И какой бы жуткий гомон ни стоял кругом, его услышали.

Ночь будет длинной.

Глава 1

С самого рассвета на задворках «Холодной кружки» творилась полная неразбериха. Толпились обозы, готовые выезжать, и те, что только прибыли на постой. Возницы переругивались, то и дело замахиваясь друг на друга хлыстами, а увещания Челака, хозяина постоялого двора, их вразумить никак не могли. До ушей-то долетали вряд ли. Мужики, пыльные и потные с дороги – такая жара стоит, ведь бабье лето разгулялось в полную силу – злились всё больше. Купцы оставили свой товар на их попечение, а сами, небось, уже всю прохлаждались в харчевне. Что потеряешь или попортишь – заплатишь сполна.

Челак метался между телегами ну точь-в-точь хлопотливая большуха между внуками – и каждого боялся обидеть. Большой Торг в столице княжества Крياته, лежащей много севернее – дело нешуточное. Даже в отдалённых деревнях, таких, как Пастерна, чувствовалось его приближение. Навар с постояльцев рос – значит, зима не будет голодной. Но всех надобно уважить. Проезжих обозов становилось непомерно много, как и хлопот, а вот рук у хозяев харчевен и постоялых дворов оставалось, как и прежде, по две.

Потому Млада Челака торопить перестала: сначала она неспешно ходила за ним, время от времени о себе напоминая, а потом и вовсе остановилась под навесом, в теньке. Отправляться дальше она намеревалась только завтра. А значит, можно и подождать, своего она не упустит.

Кое-как разместив повозки с товарами на забитых донельзя задворках, Челак приказал подручному писарю сделать последние пометки и огляделся. Теперь вокруг был хоть какой-то порядок. Возницы, охрипнув от ругани, разошлись, лошадей и волов уже начали обиходовать расторопные мальчишки – за пару медяков и напоят, и корма натаскают. Хозяин удовлетворённо вздохнул и собрался было вернуться в «Кружку». Но заметил Младу и снова помрачнел.

– Так купишь мою лошадь, Челак? Или что? – она отошла от опоры навеса, к которой до того прислонялась плечом.

– Я тут подумал, зеленоглазая... А так ли нужна мне твоя лошадь? – отмахнулся тот.
– К тому ж с треснувшим копытом.

– Да разве это беда? А в том, что ваш кузнец-тихоня, сызнава подковать её сейчас не может, не моя вина.

– А ты видишь, что у нас творится? – Челак махнул рукой себе за спину. – Да леший ногу сломит! Ещё со дня на день мытник княжеский приедет, с кметями. Запропастился где-то. Тож морока. Староста уже всю плешь проел.

Будто в подтверждение этого он провёл ладонью по блестящей на солнце лысине.

– Моя какая забота? – Млада сделала шаг к нему. – Ты мне что сказал? Что лошадь возмёмшь. И о цене мы сговорились. Хорошая лошадь-то.

– Кто ж спорит... – Челак опасливо на неё покосился. Взглянул и на меч у пояса, и на скрамасакс в ножнах с другой стороны. – Но ты подожди. Вот утрясётся всё...

– Да не могу я ждать. Мне до Кирията немного осталось, а я тут с тобой лясы точу весь день.

Надо же было случиться тому, что у её кобылы треснуло копыто как раз недалеко от этой проклятой деревни, где в преддверии Торга и другой не раздобудешь, и подковы новой не дождёшься. Да и всё одно на той лошади до города не доехать, ей теперь отдых нужен. Хозяин предыдущего постоянного двора о том, чтобы кобылу выкупить, и говорить не захотел. А Челак, вроде, согласился – да только всё тянул с деньгами, ссылаясь на бесконечные заботы. Скорей бы уж добраться до Кирията – благо и пешком дойти теперь можно. Там, коли всё удастся, как задумано, будет и лошадь, и кров, и спокойный сон по ночам. А не та тяжёлая дремота, когда не столько отдыхаешь, сколько пытаешься хоть краем уха уловить подозрительные шорохи; и в каждом треске ветки чудится опасность, заставляя вскакивать и хвататься за бедро, пустующее без привычного чехла с кинжалами.

– Вечером приходи – заплачу, – Челак вымученно улыбнулся. – А теперь иди, иди, зеленоглазая. Поешь чего, что ли.

– Ну, смотри, Челак. Не обмани.

Одарив хозяина последним угрожающим взглядом, Млада вернулась в шумную харчевню. Здесь уже разместились только приехавшие купцы вместе со своими ватажниками. Ещё чуть-чуть – и будет не протолкнуться. В плотном воздухе лишь иногда прокатывались прохладные волны, когда кто-то открывал входную дверь. Млада не собиралась тут задерживаться. Она хотела было подняться в свою комнатёнку, но краем глаза увидела в зале знакомое лицо и остановилась у стойки, за которой хлопотал старший сын Челака. Рожа та ничего хорошего не сулила.

За столом у окна, будто бы ничуть не таясь, сидел гёрзак, человек, следящий за тем, чтобы никто из Гильдии арияш[1] не нарушал её правил. И вряд ли он оказался тут случайно. Млада покинула южный Ариван с луну назад, никому о том не сообщив. Она не собиралась скрываться или идти против Кодекса, но, зная, урхас[2] решил всё доподлинно проверить. Одноглазый посыльный, наклонившись над своей тарелкой, в которой дымилась какая-то снедь, неподвижно глядел на Младу и ждал. Он знал, что нужный человек его увидит.

Она неспешно подошла и села напротив гёрзака, махнула подавальщице. Та, кивнув, мигом принесла и поставила перед ней запотевшую кружку с квасом. Название двора не обманывало – она и правда была холодной, аж пальцы сводило. Млада сняла перчатку и, проведя ладонью по ледяному боку, подняла взгляд.

– Ты, Равдан, зря тратишь время, чтобы следить за мной.

Белобрысый гёрзак усмехнулся и отправил в рот ложку с тушёной капустой, смахнул с бороды рассол.

– А ты не сбегай, – прожевав, сказал он.

– Я не сбегала.

– Да ну? Тогда твоя прогулка на север затянулась.

– У меня в Кириате дела, – Млада отпила кваса. По горлу приятно разлилась прохлада. – А вот у вас пока ко мне дел нет.

– А коли будут? – Равдан прищурился.

– Разве я против? Я покамест останусь в Кириате – там меня и найти сможете, если понадоблюсь. Вот только попятать за мной ходить не надо.

– Что поделывать... Ты у урхаса на особом счету. Если не секрет, зачем тебе в Кирият?

Млада поразмыслила. И отвечать ей не хотелось, и особой тайны в её намерениях не было. В кой-то веки она решила пойти по честному пути – судить её не за что.

– В дружину княжескую хочу попасть.

Одноглазый удивлённо вскинул брови и коротко хохотнул.

– Тебе мало денег, которые ты получаешь от Гильдии? Аль мужиков вокруг мало? Зачем в дружину? Кабала да и только.

– Должок отдать надо. Давний.

Гёрзак перестал нахально улыбаться и помолчал, постукивая ложкой по столу.

– Не моё это дело, Млада, и больше допытываться я не стану. Но пусть протухнут мои кишки, если я хоть раз такое встречал. Чтобы арияш рвался на княжескую службу... – Он снова громко хмыкнул. – Ты, главное, без глупостей. Кто знает, что у вас, баб, в головах творится. Сущий же мрак!

Гёрзак ткнул Младу пальцем в лоб, пытливо всматриваясь в её лицо единственным глазом. Несмотря на шуточный тон, она прекрасно расслышала в его словах угрозу. Но напоминать о возможной расплате большой надобности не было: она и так знала все постулаты Кодекса – хоть ночью разбуди. Гильдия не просуществовала бы так долго, если бы не строгие правила, за нарушение которых чаще всего грозила смерть.

– Не беспокойся.

Млада встала, бросила на стол несколько медяков и ушла. Сидеть рядом с гёрзаком, который чуть что без раздумий с ней расправится, радость та ещё.

* * *

Кирият ещё издали встретил Младу гомоном сотен голосов, который вырывался из

открытых ворот городской стены. Сюда по Южному тракту и каменному мосту, перекинутому через размеренно текущую Нейру, на Торг без конца съезжались повозки и целые обозы. Да и затеряться среди пеших путников сейчас было проще пареной репы. Надвинув сильнее капюшон плаща, что нынче защищал от солнца, а не от холода, Млада вошла в посад. Удостоилась только беглого взгляда стражника из тех, что проверяли каждого прибывшего торговца и записывали привезённые ими товары на вощёные дощечки. А до неё им интереса нет: в тощем заплечном мешке ничего не спрячешь.

В иссушенное ветром и солнцем лицо дохнуло воздухом, тягучим и пряным от жары, смеси запахов конского пота и свежих опилок, пыли и горячего хлеба. Млада огляделась в поисках пекарни, но среди почти одинаковых невысоких, большей частью деревянных домов её не нашла. Нутро жалостливо отозвалось голодом. Стоило бы найти место, чтобы остановиться и поесть, но в сутолоке, что началась сразу за воротами, сложно было пробраться куда нужно.

Жизнь в посаде кипела. По улицам туда-сюда сновали люди: одни громко переговаривались, другие спешили по своим делам или на Торг. Среди горожан мелькали хитроглазые мальчишки, наверняка, не упускающие случая стащить у зазевавшегося путника кошель с монетами – стоит держать ухо востро. Возница, управляющий повозкой, откуда почти валились пузатые тюки, гикнул, заставив отпрыгнуть в сторону. Хмурые волы протопали мимо, таща за собой рискующую опрокинуться ношу. Млада постояла немного у обочины и, проводив недобрым взглядом наглого возницу, двинулась вслед за гомонящим потоком людей.

Её толкнули в плечо один раз, потом другой – сильнее. Уворачиваясь и петляя, незаметно для себя Млада оказалась в самой гуще Торга. Вот уж куда совсем не собиралась. Поняла она это только когда, отряхивая плащ от муки, вышла в торговые ряды. Здесь оказалось гораздо просторнее: люди неспешно прогуливались, разглядывая пестрящие разнообразием прилавки. Другие остервенело торговались, стараясь перекричать соседа. Духота падала тяжестью на голову.

Млада скользнула взглядом по лотку проходящего мимо булочника, хотела остановить его, но тут за спиной гаркнул мужской голос:

– Эй! Да ты што, холера! Обмануть меня решил? Да этому хомуту красная цена три гроша!

– Три гроша, знашь, куда себе засунь... – не остался в долгу торговец с загорелым лицом и лихо топорщащимися усами. – Не ндравится – отойди, не загораживай своим брюхом товар! На кой тебе хомут? На тебе самом пахать в пору.

– Да супонь же тоща, как сопля! – не унимался покупатель, утирая с покрасневшего лба пот. – Войлока тож пожалел, сквалыга. И не стыдно же тебе людям головы морочить!

– Сгинь с глаз моих, злыдень...

Млада не дослушала разговор о недостатках хомута и отошла, потирая звенящее от хая красномордого покупателя ухо. Тем временем лоточник с выпечкой уже куда-то убежал.

Силясь найти хоть какой-то выход с Торга, Млада не пыталась протолкнуться к прилавкам и шла, придерживая кошель на поясе и разглядывая товары издалека.

Повеяло восточными пряностями, но тут же их аромат перекрыл резкий запах дёгтя. Рябило в глазах от вышитых платков, развевающихся на лёгком ветру, витых гривен, от монист из самоцветов и чеканных бляшек. Гудела голова от выкриков торговки и визга детей, требующих сладостей.

Вдруг разношёрстную толпу сменили мужчины, которые медленно и с толком прохаживались между прилавками с оружием и полезным в хозяйстве скарбом. Млада сбавила шаг и огляделась уже с большим любопытством. Торговцы здесь не голосили: знали, что за них всё скажет их товар. Тут же, неподалёку, раздавался приглушённый постук молота из небольшой кузни и гнусавый голос кузнеца, обещающего быстро починить всё – от коромысла до кольчуги.

Коль судить по обилию оружия на Торге, в Кириате и окрестностях только и делают, что воюют. Здесь были длинные охотничьи луки, резные, почти в человеческий рост и клеёные, гнутые, из которых так удобно стрелять верхом. Дальше – колуны с увесистыми оголовьями, лёгкие секиры и чеканы[3]. Млада без интереса прошла мимо. На мгновение дольше задержалась у стоек с мечами, но среди них не нашлось хоть сколько-нибудь достойного внимания.

Кто-то сильно толкнул её в спину.

– Поосторожнее... – буркнула она, поднимая голову.

– Держите его! Ворюга! – взвизгнула позади женщина. – Держи-и-и!

Растревоженные люди загомонили, заозирались. Что-то скользнуло по бедру. Млада тут же опустила руку, пошарила по штанине, не веря. Проклятье! Ножны со скрамасаксом пропали – остались только обрезки тренчиков. Этот великолепный нож она купила совсем недавно. Выложила – ни много, ни мало – двадцать семь серебрянников наглому кузнецу в Ариване. А до того ещё торговалась – едва язык не отсох.

Млада бегло осмотрелась. Коренастый парнишка с песочного цвета вихрами мелькнул впереди. Ловко увернулся от очередного толчка в толпе, перепрыгнул через валяющийся у прилавка мешок. Откинул со лба волосы... Тонкие пальцы, чуткие; и сам юркий, как хорёк. Он? Млада спешно двинулась за ним, стараясь раньше времени не привлекать внимание.

– Да вон же он! Держите! – снова взвился над головами звенящий нарастающим отчаянием голос.

Млада оглянулась. Вслед за ней неловко семенила темноволосая молодая женщина, время от времени указывая рукой перед собой. Но люди не спешили бросаться за воришкой. Сестра по несчастью, значит... Млада ускорила шаг. Лавируя между горожан и уворачиваясь от новых тычков, она догнала парня и попыталась схватить за рукав.

– А ну стой, паскуда!

Но тот, не глядя, резко вырвался. Треснула ткань его рубахи под пальцами. Парень побежал, расталкивая всех, кто попался на пути. Взлетели и посыпались в пыль кренделя и пышки с опрокинутого лотка булочника. Вскрикнула полнотелая баба, завалилась на прилавок с мёдом. Бортник гнусно выругался. Кто-то захохотал.

«Ах ты, прыщ!» – зло шепнула сама себе Млада и снова рванула за ворм.

Парень, понятное дело, знал город гораздо лучше её. Вырвавшись из плена Торга, он резво припустил сначала по широкой улице, а потом свернул в какой-то закоулок. И запетлял, как заяц. Млада не отставала, но и догнать не могла. А потому берегла силы, дышала ровно и легко. Люди шарахались от неё в стороны. От пыли свербело в горле. Ножны с мечом били по ноге, приходилось придерживать. Сползал с плеча дорожный мешок.

Вор часто нырял в переулки и подворотни, но скоро начал выдыхаться. Млада ждала, пока он ошибётся и свернёт в тупик, но не тут-то было. Вот его спина в намокшей от пота рубахе снова показалась впереди – и пропала за дверью постоянного двора. Млада следом шагнула в душный полумрак заведения.

Харчевня постоянного двора оказалась полна разным людом. Гомонящим, пьющим и смердящим каждый на свой манер. Все разнообразные запахи здесь смешивались в один, от которого перехватывало дыхание. Вонь онучей, дорожной пыли, осевшей на давно не мытом мужском теле, пережаренного мяса и кислого пива.

Млада сглотнула и, вытянув шею, в подрагивающей тьме постаралась углядеть воришку. Тот прятаться и убежать раздумал, словно уже никуда не спешил. Явно осмелев, он громко поздоровался с кем-то из гогочущих посетителей. А затем, даже не оборачиваясь, шмыгнул в соседний зал. Млада двинулась за ним, явственно чувствуя, как чуть пристают к липкому полу подошвы сапог.

Между столов сновали расторопные подавальщицы. Они мелькали незаметными тенями, стараясь убраться с глаз долой как можно быстрее. Ловко уворачивались от протягивающихся к ним загибающих мужских рук и крыли отборной руганью особо настойчивых. Впрочем, увильнуть от внимания удавалось не всем.

– Эй, красуля! Пстой, – Млада едва успела выдернуть ладонь из смыкающихся пальцев. – А и пёс с тобой, курва...

Она сделала вид, что не слышит.

Вход в каморку закрывала замызганная, в сомнительных потёках занавесь. Маленький зал встретил едва не сбившим с ног всплеском хохота. От спёртого ядрёного запаха на глаза выступили слёзы. Четверо мужчин, на вид местные, громкими пьяными выкриками как раз приветствовали беглеца. Но стоило войти Младе, как стало тихо. Только лавка загремела по полу, отодвигаемая садящимся за стол воришкой.

– Вот те раз, – вытаращился на Младу один, кудрявый и косматый, отчего похожий на давно не стриженного барана. – Ты сегодня отличился, Щука. Глядь, и бабу нам привёл. А то те, что в харчевне, уж больно задрипанные.

Парень, которого называли Щукой, вскинул голову и сжал губы. Молод совсем, едва ли четырнадцать зим справил. А уже кошело с поясов резать мастак – даже Млада с её-то чутьём поздно спохватилась, не поймала за руку. А должна была! Таких, как он, за версту видно.

Млада подошла ближе, чувствуя себя так, будто все пятеро одновременно её облапили. Стало тошно.

– Верни то, что взял у меня – и я тут же уйду, – проговорила она, не сводя с

беглеца взгляда.

– Уж не о девичьей невинности ли речь? – паскудно осклабился кудрявый. – Коли нет, так мы быстро это поправим.

– Да ты глянь на неё, – отирая с бороды пивную пену, усмехнулся другой, конопатый, с неровным шрамом на шее под ухом. – Такая сама мужиков за шкуру берет да и пользует их, как хочет. У такой косу просто так на кулак не намотаешь, э!

– А што, с ней я готов. Пусть и за шкуру.

Кудрявый похабно смял пальцами штаны между ног. Мужики загоготали. Млада продолжала неподвижно давить взглядом Щуку. Неизвестно, что он читал в её глазах, но как будто становился меньше и бледнее с каждым мгновением. Шуточки дружков его, похоже, вовсе не забавляли.

Мужик, сидящий ближе всего к Младе, широкой пятернёй ухватил её за бедро. Сжал от души и гаркнул довольно, с присвистом между недостающих зубов:

– Слышь, Щука. Ядрёная девка-то!

Она шагнула шепелявому за спину. Одной рукой схватила за ворот рубахи и сильным толчком опрокинула лицом прямо в жирную миску. Подняла и приложила ещё раз – грубее. Миска брякнула. Другой рукой Млада выхватила висящий на поясе мужика нож. Поддела остриём его ноздрю. Окинула взглядом остальных, ошалело притихших. Только шепелявый гладко и без запинки изрыгал потоки мерзкой брани. Его же дружки даже не шевелились.

– Хошь, оприходую прямо тут, а? – задушевно произнесла она, склоняясь к шепелявому. Тот смолк, слизнул с губ брызнувший из миски жир. – Рожей об колено?

Мужик дёрнулся и наобум махнул увесистым кулаком, но Млада увернулась, продолжая держать его. Да ещё и втиснула лезвие глубже. Из разрезанной ноздри потекла кровь. Шепелявый зарычал и брыкнулся ещё раз.

Кудрявый вынул из сапога нож. Ударил. Млада выпрямилась, отклонилась и снизу вверх пнула стол. Тот опрокинулся, мужики шарахнулись в стороны. Загремели миски, покатались кружки, расплёскивая по полу пиво. Щука, прикрыв ладонью нос, завыл – кровь хлынула между его пальцев. Меченый оттолкнул навалившегося на него дружка и попытался схватить Младу. Она вполоборота ушла от громадных рук. Секанула ножом по его запястью. Несильно – для острастки. Огляделась. Лишь бы не оказаться зажатой в углу. Она выхватила из ножен меч и выставила перед собой. Кудрявый, спотыкаясь о поваленные лавки, ринулся к ней и упёрся грудью в остриё.

Млада покосилась на скулящего в углу Щуку и повторила:

– Пусть вернёт, что взял.

Она могла бы добавить, что иначе никто из пятерых не выйдет из этой каморки живым. Могла бы показательно разворотить кудрявому грудь мечом. Рассечь самым краешком лезвия ярёмную вену меченому, который приближался справа. Точно по его же шраму, но чуть дальше. Развернуться, поднырнуть под руку третьему и ударить его со спины. Обломком ножки стола разбить череп встающему с пола шепелявому и

спокойно заняться Щукой.

Но она не хотела сейчас крови и смертей. Не за тем в Кирият пришла, чтобы в первый же день перебить кучку местных.

В каморку ввалился одутловатый мужик в повязанном под круглым брюхом переднике. За его спиной виднелись ещё два крепких молодца. Видно, то пришёл хозяин постоянного двора, встревоженный шумом и грохотом мебели.

– Вы что тут устроили? – хрипло крикнул он и прокашлялся. – Хотите драться – проваливайте отсюда!

Млада опустила меч и бросила под ноги шепелявому его нож. Дружки Щуки понурились и отступили. Видно, нарочно с хозяином цапаться не хотели. Не зря сидят в отдельном зале – пьют и едят, небось, задарма. Хозяин, окончательно взяв себя в руки, ещё раз мрачно обвёл взглядом всех и остановился на Младе. Она кивнула на Щуку, который всё так же сидел у стены и держался за сломанный нос. Кровь стекала ему на грудь.

– Он украл у меня нож. Пусть вернёт.

Казалось, от этих слов на языке скоро будет мозоль. Хозяин двора неспешно оглядел Младу, удивлённо приподнял брови и жестом отослал двух выжидательно стоящих позади мужчин. А потом повернулся к воришке.

– Давай, сопляк. Верни девице её нож, коли вправду украл! Вот ты где у меня уже сидишь, поганец, – он постучал ребром ладони под двойным подбородком.

Щука громко шмыгнул, отёр губы и встал, обиженно зыря на остальных, за что тут же получил подзатыльник от меченого.

Млада выхватила у него из рук свой скрамасакс, едва удерживаясь от того, чтобы не дать мальчишке хорошего тычка в зубы. Щука уже развернулся было уходить, но она удержала его за плечо.

– И деньги той девушки верни, которую передо мной обокрал. Ну?

Парень, закатив глаза, цыкнул, сунул руку за пазуху и вынул оттуда кошель. Хороший, из плотной кожи, расшитый цветным узором да дорогими стеклянными бусинами по краю и обрезанному ремешку, которым крепился к поясу. Непростому человеку этот кошель принадлежит. Ох, непростому. Млада подбросила туго набитый монетами мешочек в ладони.

– Ещё раз мне попадётся, Щука – шкуру спущу.

Она последний раз оглядела хмурых мужиков и вышла из каморки. Брюхастый хозяин двора только и успел посторониться.

– Не повезло тебе, Щука... – было последним, что Млада услышала за спиной.

Она вышла наружу и почувствовала, как пыльный городской воздух прочищает лёгкие от вони харчевни. Возвращаться на Торг не очень-то хотелось – лучше было бы сразу повернуть к детинцу. Но нужно было попробовать найти хозяйку кошеля. Негоже оставлять всё так. Млада, хоть и видела женщину мельком, запомнила

хорошо. Опять же привычка... дери её.

Но возвращение на рынок ничего не дало. Незнакомку никто не разглядел. Да и как – в такой-то толчее? Млада продолжала сжимать расшитый кошель в ладони и кружить по Торгу, пока не поняла: ещё немного – и подохнет прямо тут, под каким-нибудь прилавком от голода или жажды. В нутре урчало и как будто ворочался холодный уж. Видно, не судьба той девице снова увидеть свои деньги. Но хотя бы тем прохвостам не достались.

Млада выскользнула с Торга, как жиром намазанная, и двинулась вверх по широкой улице. День за случайными хлопотами уже повернул к вечеру, а добраться до детинца так пока и не вышло. На всякий случай Млада остановила проходящую мимо бабу в расшитой кике и спросила, правильно ли идёт. От женщины пахло травами и теплом дома. Почему-то от этого она располагала к себе.

Та пристально осмотрела Младу и вдруг остановила взгляд на кошеле в её руке.

– Чей это кошель у тебя, деточка?

– Не мой. Отобрала у вора. Хотела хозяйку найти...

– Кажись, я знаю её. Захаживает она ко мне, бывает. За травками, значит. Кошель-то приметный. Да и сама она тож.

Правду говорят, город – большая деревня. Всё одно местные друг друга знают.

– Скажешь, где найти?

– А то ж! Аккурат там, куда ты идёшь. В детинце она живёт, значит, – женщина бросила ещё один взгляд на кошель, но уже более неприязненный. – Служанка она, хоть с виду и не скажешь. Вишь, вещичка-то какая богатая. Не иначе любовник ейный подарил. Воев...

– Хватит, – Млада предупреждающе подняла руку, останавливая готовый излиться на неё поток городских сплетен. – Значит, говоришь, правильно иду?

Женщина, обиженная, видно, тем, что её прервали, поджала губы и махнула рукой вдоль улицы.

– Правильно-правильно, – пробурчала она. – Тут и не заблудишься. Ступай дальше – прям в ворота и упрёшься.

– Спасибо.

Млада постаралась вежливо улыбнуться, но по взгляду бабы поняла, что ей это не очень-то удалось. Избегая дальнейшего разговора, она снова пошла к детинцу.

Травница не обманула: скоро его распахнутые ворота показались впереди, за поворотом улицы, а ещё в паре десятков шагов от них шла та самая девушка. Сестра по несчастью. Домой она, похоже, не торопилась, будто там её не ждало ничего хорошего. Почуввав взгляд Млады, она обернулась и остановилась.

Вблизи оказалось, что незнакомка не столь и молода, как привиделось поначалу. В уголках тёмно-карих глаз уже зарождались мелкие морщинки, как и вокруг полных,

приятного изгиба губ. Лицом же из-за островатого носа она напоминала ворону. И цветом иссиня-чёрных волос, сплетённых в две тугие косы – тоже. Ростом незнакомка была ниже Млады, но вот в кости пошире да телом побогаче. Видно, по дому-то сильно не усердствует.

– Здравствуй, – не так приветливо, как ожидалось, улыбнулась девушка. Скорее, её улыбка была усталой... или осторожной. – Я вот смотрю, не ты на Торге за воров погналась?

Млада кивнула и протянула ей кошель.

– Поздорову. Думается, твоя это вещица?

Девушка быстро выхватила мешочек из её ладони и прижала к груди, будто боялась, что его снова украдут прямо тут.

– Как?.. – поражённо проговорила она и выдохнула: – Спасибо. Ты нарочно за мной пошла, чтобы отдать?

– Да, я искала тебя на Торге, но не нашла. Но оказалось, что ты живёшь в детинце. А мне как раз туда надо до зарезу, – Млада качнула головой в сторону ворот. – Что, стражники ваши суровы? Пустят меня али нет?

Взгляд девушки, потеплевший было на мгновение, снова отстранился, точно подёрнулся ледяной коркой.

– Смотри, зачем идёшь... Мож, и не пустят, – она пожала плечами, а потом надменно вздёрнула подбородок. – Но, коли хошь, могу за тебя словечко замолвить.

Ишь ты, цаца какая... Недаром одежда у неё получше да почище той, которую обычно носят служанки. И держит себя совсем иначе. Видать, и правда непростая девица.

– Замолви, если понадобится, – согласилась Млада. Не в её положении сейчас чураться помощи, хоть девушка нравилась ей всё меньше и меньше.

– Звать-то тебя как?

– Млада.

– А меня Малушей кличут. Пойдём, чего на дороге зазря пыль пинать.

Показалось сначала, что у ворот детинца пусто. Здесь, похоже, никого не боялись: распахнутые настезь створки едва покачивал настырный ветер. Где-то вдалеке слышался неразборчивый гомон, а тут было тихо. У острогов всё-таки прохаживались стражники, только к вошедшим в детинец будто бы и не повернулись вовсе. Млада старалась не слишком-то зевать по сторонам и не отставать от уверенно идущей впереди Малуши. Но невольно она всё-таки приостановилась и, задрав голову, оглядела диковинный княжеский дом. Кажется, такие на западе называли «замок». Видно, местный князь в своё время много путешествовал, раз приказал возвести подобный в Кириате, посреди немерских земель.

Стены его бугрились вытесанными из гранита блоками, и дом, хоть не блистал мастерством зодчих, построивших его, выглядел основательно и грозно. Он загибался подковой; на восточной, выходящей к посадку стороне к нему примыкала

кряжистая башня с плоской крышей. С западной стороны была другая – чуть меньше. Она была ещё не достроена. Из посада над стеной детинца виднелись лишь самые их верхушки.

– Куда это вы припустили? – послышался за спиной мужской голос.

Малуша обернулась и поморщилась, глядя поверх плеча Млады. К ним подошёл вооружённый копьём стражник, невысокий, тёмно-русый, с пробивающейся в бороде сединой. За ним не сильно-то спешил другой, помоложе, ещё безусый, но выглядящий гораздо внушительнее.

Малуша безразлично скользнула взглядом по нему и улыбнулась старшему.

– Так вот, знакомая моя давишня хочет с воеводой поговорить. Дело у неё к нему, понимаешь?

Стражник ехидно сощурился:

– А ты, Малушка, сталбыть, её учить взялась, как с воеводами разговаривать?

Женщина вдруг покраснела и мельком зыркнула на Младу. Та не шевельнулась, продолжая разглядывать часовых. Тот что помоложе уставился на неё с плохо скрываемым любопытством.

– Тебе-то что? – огрызнулась Малуша. – Говорю же, дело у неё.

Бородатый хмыкнул и многозначительно переглянулся с напарником.

– Ваше бабье дело – в поварне хлопотать. Ты тут нос не задирай. Мне твои шашни с верегом погоды не делают. А Бажану некогда, небось, с приبلудной девкой лясы точить, – повернулся он к Младе. – Хоть лоб расшиби.

Вот и замолвила Малуша словечко. Только хуже сделала.

Млада дослушала стражника, подождала, пока безусый перестанет ухмыляться, и кивнула в сторону замка.

– В дружину поступить хочу. Меч-то у меня не для красоты к поясу привешен. Проводишь к воеводе или мне самой его искать?

Малуша возвела очи горе и пошевелила губами. Бородатый стражник удивлённо вскинул брови, будто не ожидал, что Млада вообще умеет говорить.

– В дружину, значит? – он усмехнулся и глянул на молодого, который упорно молчал. – Девиц в дружине у нас ещё не было. Есть, конечно, бабы бабами, но чтобы так...

Его напарник беззвучно рассмеялся и указал на Младу остриём копья.

– Да пусть идёт, Витоня. Вдруг могучего воина от ворот прогонишь? Будешь маяться потом всю жись.

– Может, хочешь сам перед Бажаном кланяться за неё? – фыркнул бородатый.

– Кланяться-не кланяться, а провожу. Заплутает, чего доброго.

Тут же Малушу как ветром сдуло. Вот она стояла и сердито сопела рядом, а в следующий момент только и мелькнула подолом понёвы далеко впереди да скрылась во внутреннем дворе. Млада благодарно кивнула молодому стражнику и под тихое ворчание бородатого пошла за ним.

Шли недолго, обходить замок не пришлось. Прямо сквозь него был проход внутрь «подковы». Они минули тёмную глубокую арку, и тут же на Младу обрушился шумный, бурный поток жизни детинца.

Здесь пахло недалёкими конюшнями, мясной похлёбкой из поварни и измочаленной под десятками ног травой. По всему двору раскинулись обширные деревянные навесы ристалищ. Все они были заполнены крепкими кметями. Дружинники сражались друг с другом, стреляли из луков и самострелов по мишеням. Балансируя на узких брёвнах, пытались достать подвешенные на толстых веревках и раскачивающиеся от каждого удара тяжеленные мешки с песком. Чуть дальше были ристалища поменьше – там шли тренировки отроков, совсем юных и тех, что постарше, готовых, верно, через несколько лун пройти Посвящение.

Вдруг подумалось, что, если Младу и примут сегодня в дружину, то сначала придется прислуживать в доме вместе с малолетними отроками. Эта мысль даже позабавила: вот уж славно она будет смотреться рядом с сопливыми мальчишками! Однако решение принято, и теперь во что бы то ни стало ей нужно попасть в дружину, какими бы окольными путями это ни вышло. Пусть заставят чистить конюшни, а придется задвинуть свою гордость подальше и помалкивать. Умений это не уменьшит, а вот лишний раз кочевряться – только себе вредить.

Стражник, ни на мгновение не задержавшись, провёл Младу стороной вокруг ристалищ к выстроившимся одна за другой дружинным избам. Все они были приземистыми, длинными, сложенными из толстенных брёвен. Какие-то, видно, давнишние, другие – ещё пахнущие сосновой смолой. Расспросив о чём-то сурового и чуть измученного на вид кметя, стражник махнул рукой Младе. Она подошла, чувствуя на себе колкие взгляды снующих кругом парней.

– Жди здесь, – заговорщически произнёс часовой и скрылся в избе.

И уж как бы ни была закалена жизнью Млада, тут ей стало не по себе. Она многое слыхала о княжеском воеводе Бажане. Что-то случайно, что-то выведывала сама. Поговаривали, прошлое у него настолько туманное, что другой раз люди не решались о нём судачить. Однако все твердили, как один: воевода служил раньше у отца здешнего князя Кирилла – в расположенном далеко на западе Новруче. А потом ушёл вслед за молодым правителем, попав при этом в большую немилость к его родителю. Семьёй воевода так и не обзавёлся... Может, потому что нрав имел крутой и ворчливый. Но князь его ценил и доверял ему.

Младе уже показалось, что она долго вынуждена будет праздно наблюдать за кметями, как над плечом грянул звенящий сталью голос:

– Как звать тебя, блоха?

Млада обернулась, не веря своим ушам. Её правда назвали блохой? И только увидев воеводу, поняла, что такое замечание из его уст не столь уж оскорбительно. Бажан возвышался над ней на целую голову, а в плечах был шире едва не в половину.

Окладистые, с проседью борода и усы его обрамляли твёрдо поджатые губы, прищуренные серые глаза излучали подозрительность. Млада, всё же рассерженная небрежным обращением, шумно втянула носом воздух. Но ответить не успела.

– Ты что, Денко, немую ко мне привёл? – глянул Бажан на стражника; тот лишь плечами пожал.

– Меня Младой зовут.

Воевода скрестил руки на груди.

– Не, ты глянь, разговаривает! Что, дорогой ошиблась... Млада?

Он в который раз оглядел её с головы до пят, чуть задержавшись на висящих у пояса ножнах. Издевается, значит. Ведь такие, как он, сразу отличат воина от того, кто только хочет им казаться. И потому Млада удержалась от грубости. Пусть ёрничает, раз охота. А ей лишний раз огрызаться не к лицу.

– Не ошиблась, – наконец проговорила она, окинув воеводу ответным взглядом. – В дружину поступить хочу. Или стражник ваш не сказал?

Воцарилось молчание, но через мгновение оно было нарушено раскатистым хохотом воеводы.

– Да тебя разве что на кухню взять можно, стряпню готовить, – сквозь смех произнес Бажан, смахивая выступившую слезу. – Дружинники ещё покалечат тебя мимоходом, – и добавил уже серьезно: – Думаешь, меч стащила у отца и уже воином стала?

Млада невольно посмотрела на свой клинок и стиснула зубы.

– Поставь против меня любого своего воина, воевода, и узнаешь, что я могу. А то так до утра препираться можно.

– Да, препираться любая баба сильна. Только не каждая мечом махнёт так, чтобы себя саму не зарубить, – Бажан хмыкнул. – Но раз ты утверждаешь, что способна победить любого из княжеских воинов, то пойдём. Будем проверять твои воинские умения. А ты, Денко, на пост свой иди. Неча тут без дела слоняться.

Вслед за воеводой Млада прошла между ристалищ. И всё это время ей хотелось поёжиться словно от чьего-то настойчивого взгляда, не тяжёлого, но изучающего. Она даже несколько раз обернулась, но ни один из кметей не смотрел на неё так, будто разбирал на части и проникал под кожу. Странно. Видно, почудилось. И немудрено – столько народу вокруг.

Наконец воевода остановился у одного ристалища, наиболее людного. Там парни, кажется, из-за чего-то повздорили. То и дело слышались запальчивые выкрики дружинников, а им отвечали такие же злобные, но как будто на чужом языке.

Бажан мрачно обвёл взглядом толпу, но разводить спорщиков по углам не стал. Только выждал маленько, ещё раз посмотрел на Младу, насмешливо крякнул и обратился к дружинникам:

– Так. Кто желает сразиться с этой доблестной воительницей, чтобы мы смогли по

достоинству оценить её воинское мастерство?

Млада нахмурилась: его слова прозвучали с откровенной издёвкой. Заинтригованные кмети притихли и как один повернулись к воеводе. Напряжение, которое ощутило окутывало их мгновение назад, испарилось. Парни тихо запереговаривались. Послышались смешки.

– Ты что, Бажан, шутковать тут вздумал? – раздался откуда-то из-за спин зычный возглас. – Хочешь, чтобы мы ненароком зашибли её? Ну уж нет! Ты бы ещё с дитём сражаться велел!

Среди дружинников пронёсся нарастающий гогот. Парни, переговариваясь, решили было вернуться к своим делам, кто-то начал расходиться, но Бажан нарушил общее веселье:

– Ну, раз ты тут самый разговорчивый, Медведь, то вот и выходи сюда! А то языком махать все горазды. Ты лучше мечом помаши лишний раз – может толку будет поболее!

Прозвище будущего противника настораживало, но обещало интересный поединок. Пробурчав что-то неразборчивое, Медведь вышел из толпы. Его вид вызвал удовлетворённую улыбку: придётся попотеть. Он, как и ожидалось, был похож на огромного зверя. Темноволосый, всклокоченный после целого дня тренировок, заросший неровной щетиной. Видно, недавно решил бороду отпустить. Ростом парень был не так высок, как воевода, но будто весь, включая голову, состоял из литых мышц. В огромной пятерне Медведь сжимал внушительный меч, и казалось, он с лёгкостью может разрубить человека напополам, едва махнув им. Кметь устало посмотрел на Младу, как на насекомое, недостойное внимания, но крайне надоедливое.

– Может, не надо? А, воевода? – Медведь сморщился, оглядываясь на товарищей.

– Поговори мне ещё, – отмахнулся Бажан.

Затем воевода снова оглядел Младу, будто ожидая, что вместо неё сейчас возникнет дюжий воин, равный такому противнику, как Медведь. Она насупилась. Что ж, тем больше будет его удивление.

– Мечи-то хоть турнирные возьмите – нам тут нечаянные убийства не нужны, – проворчал Бажан и нарочито безразлично отвернулся.

Медведь отдал свой меч собрату и взял вместо него увесистый и затупленный турнирный. Млада попросила для себя такой же. Ножны со своим клинком она сняла и, нисколько не смущаясь, отдала Бажану. Тот удивленно вкинул брови от такого нахальства, однако без возражений принял оружие. Ристалище, куда вышли Млада и её противник, широким кольцом окружили любопытствующие дружинники. Послышались первые шуточки и подбадривающие возгласы. Некоторые весьма похабные. Бажан строго глянул на расшумевшихся кметей – и тут же стало тихо.

Млада приняла боевую стойку, зорко наблюдая за каждым движением Медведя. Дружинники затаили дыхание. Вдалеке послышался рассерженный окрик какой-то женщины и гомон отроков у конюшен. На лице кметя расплылась снисходительная улыбка, мол, не бойся, сильно бить не буду. Он, держа меч в опущенной руке, медленно обходил Младу сбоку. И нападать, вроде бы, не собирался. Млада улыбнулась в ответ одним уголком рта. Недобрая, знать, вышла улыбочка, потому

что Медведь тут же помрачнел.

Первый удар кметя пронзил пустоту. Млада отклонилась. Скользящим шагом ушла в сторону. Удовлетворенно хмыкнув, Медведь развернулся в новом выпаде. Меч его ударился о клинок Млады. Громкий лязг звоном отозвался в ушах. Она отступила, наклонила меч, давая оружию Медведя соскользнуть. Крутанула в развороте. Не тут-то было! Кметь рукоять не выпустил. Ну что ж – попытка не пытка.

Шаг назад. Выдох. Обманное движение остриём меча.

А Медведь не промах. На уловки Млады не попался. Почти. Тяжёлые, но не слишком точные удары посыпались один за другим. Быстро, в связке. Проворный кметь – и не гляди, что огромен, как валун. Двигается плавно и уверенно. Но слишком торопится отделаться от навязанной воеводой обязанности.

И потому ни один из его ударов не достигал цели. Млада уворачивалась и наносила удары в ответ. Кружила, то и дело доставая кметя кончиком меча со всех сторон. Она знала – воевода всё видит. Но поединка тот не останавливал. Дружинники вокруг молчали. Лишь иногда тишина разрывалась шелестом их коротких шепотков.

Младу охватывал знакомый ритм боя, когда чувствуешь все движения противника наперед. Знаешь, куда он ударит в следующий момент и успеваешь исчезнуть с этого места, прежде чем он занесет меч. Медведь гонялся за ней, как пёс за осой, отставая на шаг, на полшага. И злился всё сильнее.

А Млада будто снова слышала слова Наставника. Тихие, отрывистые, направляющие. Долгими годами приходилось нарабатывать свои умения под его строгим руководством. Бесконечные тренировки теперь давали о себе знать – тело работало уверенно и вместе с тем легко.

В свой ритм Млада вовлекла и Медведя. Загнала его в ловушку. Задавила скоростью и неуловимостью движений. Кметь хватал ртом воздух. Рубаха вокруг его шеи намочила от пота. Удары стали более размашистыми и далеко не такими быстрыми, как поначалу. Млада уже почти не отбивалась. Только отклонялась, уворачивалась – дразнила.

Очередная атака Медведя снова провалилась. Пора и честь знать. А то так и помрёт здесь от разрыва сердца. Млада по дуге зашла ему в спину. Прошлась мечом по животу, а затем приложила между лопаток. Медведь не удержал равновесие, качнулся и рухнул на одно колено. Млада приблизилась. Обхватила ладонью его подбородок и запрокинула голову. Медведь оскалился и опустил взгляд на затупленное лезвие меча, которое уперлось ему в шею.

Среди дружинников пронесся удивлённый вздох.

– Ты убит, – тихо произнесла Млада над ухом Медведя. – Половчее надо быть.

Кметь глухо рыкнул и дёрнулся из её хватки. Млада отпустила его и отошла. Дружинники шумно встретили Медведя, кто-то похохатывал над ним, кто-то пытался утешить. Тот только огрызался и исподлобья косился на Младу. Знать, сильно осерчал.

Бажан молча и хмуро взирал на поверженного кметя, не сходя с места. А потом перевёл взгляд на Младу, и в нём почудилось смутное узнавание. Как будто во

время поединка он что-то понял или о чём-то догадался. Уловил в движениях Млады что-то знакомое. Это было бы скверно. Но догадки не всегда перерастают в уверенность, а вот доверия могут поубавить.

Млада спешно двинулась к воеводе, чтобы забрать меч, но не успела. Бажан медленно вытянул его из ножен, осмотрел – и помрачнел ещё больше. Нехорошо.

– Гляжу, меч-то у тебя занятный, – проговорил воевода, лишь Млада подошла к нему. – Правда, из хадымской стали или ариванская подделка?

– Может, и подделка. Я у торговца не выспрашивала, – невозмутимо соврала Млада. – Хороший клинок – мне этого достаточно.

– Хороший... – задумчиво согласился Бажан, глядя ей за спину. – Им ты, думается, сражаешься так же ловко, как в поединке.

– Скромничать не буду...

– И не надо. Я всё прекрасно вижу сам, – воевода протянул Младе ножны и помолчал, пока она застёгивала пояс. – Вот только любопытно мне. Чего это воительнице, столь умелой, рваться в дружину? Таких, как ты, я видал редко, но всё же видал. Обычно они ходят в наёмницах у купцов, толстых как кошелём, так и брюхом. А по ночам делят с ними постель. Чем не жизнь? Если разбойники стрелами не утычут на каком большаке. А ты пришла издалека – и в дружину. Здесь денег и почестей куда меньше.

– С детства мечтала, – осклабилась Млада. – Вот и пришла.

Бажан, понятное дело, не поверил. И снова глянул в сторону замка, будто ждал чего-то.

– Тяжёлое, видать, детство у тебя было, – он усмехнулся, не догадываясь, насколько оказался прав. – А ты знаешь, что мы в поход на вельдов собираемся? Спокойно в детинце отсидеться не выйдет.

– Знаю.

– И всё равно хочешь стать кметем? – кажется, он искренне удивился.

– Я же до сих пор тут. Слушаю болтовню княжеского воеводы. Значит, хочу.

Бажан коротко рассмеялся.

– Остра ты на язык, Млада. С таким умением друзей не наживёшь. Мужик, знаешь, не любит, когда ему девка в бок мечом тычет да ещё и посмеивается.

– Мне до любви кметей дела нет, – Млада повела плечом, окидывая взглядом спящих кругом дружинников. – Ты мне голову не морочь, воевода. Говори, возьмёшь в дружину, или я пойду к князю схожу?

– Ты погоди, не скачи, – беззлобно ответил на её грубость Бажан. – Вот блоха, она блоха и есть. Не нужно к князю идти. Сам он уже решил к нам наведаться.

Воевода кивнул на кого-то, кто приближался к Младе со спины. Она оглянулась и

тут же охолонула, забыв о допросе Бажана, который едва удалось удержать в безопасном русле. Уж больно не хотелось много о себе рассказывать – ни к чему.

Со стороны замка шёл высокий, стройный, но сильный на вид мужчина. Сразу смекнуть можно – воин. Солнце, которое уже низко клонилось к закату, обрисовывало сиянием рукоять висящего на поясе меча и серебряные чеканные бляшки на поясе. Кмети молча и уважительно расступались, провожали князя взглядами. И вокруг становилось невероятно тихо. Даже как будто перестал буянить жеребец, которого вели мимо ристалищ. А конюший перестал крыть его забористой бранью.

Одет правитель был просто, как и многие здесь: вышитая рубаха да тёмные суконные штаны, заправленные в высокие, почти до колена, сапоги. Но при виде его Млада подумала, что готова была бы провалиться на этом месте, если бы спутала его с обычным дружинником. То ли дело в его завидной выправке, то ли в спокойном и величавом интересе, с которым он смотрел на других, но Млада, никогда и никому до сего дня не служившая, вдруг поняла каждого мужчину здесь.

Вблизи оказалось, что князь гораздо моложе Бажана. Пожалуй, лет на пятнадцать. Морщины ещё не успели изрезать его лицо с породистыми, чуть неправильными чертами, а на голове и в короткой бороде не было ни одного седого волоса. Правитель остановился рядом с воеводой и неспешно оглядел Младу. Тело пронзило теми же странными ощущениями, что она испытала недавно. Как будто Кирилл умел проникать сквозь кожу и выворачивать душу наизнанку. Теперь стало понятно, чей взгляд она чувствовала. Это было необычно, но в то же время интригующе. Казалось, от князя нельзя утаить ни одной мысли.

Но вопреки опасениям, Кирилл приветливо улыбнулся.

– Мне уже рассказали о поединке. И, судя по тому, что Медведь ходит, как в воду опущенный, он удался на славу, – князь повернулся к Бажану. – Что скажешь, воевода? Стоит брать девицу в дружину?

Но по голосу правителя было понятно, что никаких возражений от воеводы он не примет. Так, интересуется для порядка. Бажан тоже это понял – помолчал, размышляя. Похоже, по каким-то только ему известным причинам принимать Младу в дружину он не хотел. Но и тех самых причин называть не собирался.

Наконец воевода вздохнул, глядя в сторону:

– Хальвдана стоило бы спросить.

Кто-то из отирающихся неподалёку дружинников довольно громко хмыкнул на его слова. На него зашикали. Князь тоже улыбнулся, опустив голову.

– Раз уж Хальвдана пока нет, то и решение не ему принимать, – проговорил он жёстко. – А пока пусть девица обустраивается. Такого воина прогнать – всё равно что дружину обокрасть.

Бажан скривил губы. Не иначе через себя переступает.

– Только с девицами её поселить надобно. Кметь – не кметь, а всё одно девка. Кабы чего не было... – он обвел взглядом дружинников.

На лицах некоторых парней расплылись ехидные улыбки. Даже смурной после

поражения Медведь, который тоже подтянулся ближе и прислушивался к разговору, ухмыльнулся. Да уж, девиц пощупать каждый из них горазд. Оказаться посреди разгорячённой постоянными тренировками мужской ватаги – ещё этого не хватало. Не то чтобы Млада их опасалась. Просто отбиваться замаешься.

– Уж вы разберитесь, где её поселить, – пожал плечами князь и повернулся было уходить, но задержался. – И зайди потом ко мне, Бажан. А ты, Медведь, пойдёшь темницы сторожить, если и впредь будешь девицам в драках уступать.

– Так они ж пустые, княже, – попытался возразить тот, – темницы-то.

– Значит, будешь следить, чтобы туда никто не пробрался, – усмехнулся Кирилл и похлопал его по плечу.

Дружинники хохотнули. Медведь сокрушенно понурился, пряча глаза. Князь неспешно пошёл к дому. И только когда он исчез из виду, Млада поняла, что не сказала ему ни слова благодарности. Да и вообще всё это время простояла молча, как воды в рот набравши. Может, и правильно.. Нечего на разговор с князем набиваться, тем более что в разговорах Млада была не сильна. Правда, в душе поселилось странное беспокойство и кожу как будто до сих пор жгло от пристального княжеского взгляда. Что за наваждение!

– Ты часом в землю не вросла? – голос Бажана чуть не заставил вздрогнуть. Млада вздохнула и подняла на него глаза. Воевода цыкнул, качнул головой. – Пойдём, покажу тебе клеть, где жить будешь.

Млада двинулась было следом, но Бажан вдруг остановился.

– И да, – сказал он, едва обернувшись. – Князь сам сюда спустился, чтобы распорядиться насчёт тебя. Такого сроду не бывало. Значит, что-то он в тебе увидел. И, если ты хоть в чём-то его разочаруешь, не оправдаешь его доверия – я лично сломаю каждую кость в твоём теле, блоха.

Млада не нашлась, что на это ответить. Но, думается, ответа воевода и не ждал.

Клеть, куда поселили Младу, оказалась светлой и просторной. Небольшие окна выходили на восток: двора с дружинными избами было из них не видно – лишь стена, да один из острогов. Наблюдай за стражниками сколько влезет. Да только не хотелось. Оказалось, что в клетки живут ещё две девушки: их аккуратно застеленные лавки стояли у стен. На одной лежали большие пальцы с зажатой в них рубахой – кажется, мужской – Млада проверять не стала. На другой – редкий костяной гребень, а рядом с ней стояла резная прялка. На веретене было намотано уже много нити.

Рукодельницы, значит.

Млада вздохнула и бросила дорожный мешок на свободную лавку. Уж более неподходящую компанию, чем две девицы, сложно было для себя придумать. Хотя она тоже рукодельница. Только о её ремесле вечером у зажжённой лучины не поговоришь.

Сидеть в пустой клетке – время без толку терять. Млада решила вернуться во двор: оглядывать тренировочное поле дружины куда интереснее, чем углы в комнате. В конце концов, теперь предстояло служить с кметями бок о бок долгое время. Не сказать, чтобы это очень радовало – привычка всегда быть одной давала о себе

знать – но сейчас куда денешься. Захотела идти до конца – будь добра терпеть и несколько сотен дружинников вокруг, и девиц. Сама пришла, никто за руку не тянул.

Солнце уже скрылось за стеной детинца. Многие кмети разбрелись по дружинным избам. Некоторые особо упорные продолжали потеть на ристалищах. Отроки откровенно бездельничали и глазели на рослых старших собратьев, собираясь кучками. А что – тоже наука.

Млада устроилась на лавке за спинами мальчишек и невольно приросла взглядом к гурьбе необычно светлокожих, по сравнению с остальными, мужчин. Почти у всех волосы были рыжими или выгоревшими на солнце едва не до белизны. У многих они были частично заплетены в косы у висков или на затылке. Но больше всего внимание притягивали их глаза: голубые или светло-серые. Холодные. Мужчины стояли недалеко от Млады и переговаривались, тоже наблюдая за тренировками собратьев. Только ни одного слова из их речи она понять не могла.

Послышались шуршащие по сухой траве шаги – и рядом сел Медведь, заняв едва не всю оставшуюся лавку. Даже Младу чуть подвинул.

– Вереги, – проговорил он не слишком-то тепло. Показалось даже, сплюнет себе под ноги. – Те ещё говнюки. А без своего воеводы совсем распоясались.

Да, Млада слышала что-то и о втором воеводе князя – Хальвдане. Но о нём говорили намного меньше, чем о Бажане. Видать, его жизнь была куда более прозрачной и куда менее загадочной.

– Никогда их не видела, – после короткого молчания нехотя ответила Млада.

И так наговорилась за день – хоть седмицу теперь молчи. Её вполне устраивало и одиночество на этой вот лавке. Но не гнать же Медведя.

– Где ж ты жила до этого? – кметь панибратски подтолкнул её плечом.

Млада тихо скрипнула зубами.

– Где жила, там меня уже нет.

– Ну, не хочешь – не говори, – усмехнулся Медведь. – А я из деревни Рысей – Беглицы. Тут в пяти десятках вёрст от Кирията будет.

Млада повернулась к нему, стараясь вложить во взгляд всё безразличие, на которое была способна. Но на кметя это не подействовало. Он только внимательнее всмотрелся в её лицо, и вдруг улыбка сползла с его губ. Тут-то стало видно, что без этой дурашливой ухмылки он даже хорош собой. Млада снова отвернулась. А вот Медведь продолжил смотреть, как заколдованный.

– Не в обиде на меня? – пробормотала она. Лишь бы это переставшее быть приличным изучение её прекратилось.

Медведь кашлянул.

– На что обижаться? На то, что уступил в схватке хорошему воину? Глупости.

– Мало ли.

Пусть думает, что она – воин. Ни к чему Медведю знать, кому на самом деле он уступил в схватке. Победить ему было почти невозможно. Но кметь не знал, и потому в его голосе слышалось лёгкое восхищение. Оно почему-то сильно раздражало. Млада часто чувствовала раздражение, когда думала о том, как научилась владению оружием, и для чего случалось свои навыки применять. В дружине это как будто принимало другой оттенок, но сути своей не меняло.

Молчание затягивалось. Кмети стали расходиться, многозначительно поглядывая на Младу и примостившегося рядом с ней Медведя. Вереги во дворе тоже не задержались и двинулись вслед за остальными. Отроки убирали небрежно брошенное тут и там тренировочное оружие, кое-где зажигали закрепленные в держателях факелы.

– Пойдём, – вздохнул Медведь, – а то в трапезной места останутся только с краю столов. Ты голодная, небось.

И правда. А Млада и думать забыла, что так за весь день ничего и не съела. Пустое нутро, смирившись, уже давно перестало о себе напоминать. А теперь снова встрепенулось, заурчало. Она кивнула и пошла за Медведем.

В трапезной было душно и невероятно людно. И сейчас стало понятно, насколько много воинов в дружине. Они роились, как муравьи. Замученные отроки только и успевали проскальзывать между их могучих плеч, при этом умудряясь не ронять огромные братины[4], из которых невыносимо вкусно пахло кашей. Другие разносили енды[5] со сбитнем или широкие миски с варёной говядиной.

Медведь почти силой втиснул Младу ближе к середине одного из столов. Парни начали было ворчать, но увидев, кого усадили рядом с ними, просветлели. Их взгляды подёрнулись знакомым масляным блеском, говорящим о том, что девушек к кметям подпускают нечасто. А в дружинных избах им появляться и вовсе запрещено.

Скоро, боясь лопнуть от съеденного, Млада облокотилась о стол и вслушалась в разговоры парней. Все кругом улыбались и просто излучали силу да молодецкую удаль. Блюда пустели, истории становились разнuzданней. Голова тихо трещала от несмолкаемого шума, но всё равно было хорошо и спокойно. Болтовня парней слилась в один сплошной гул, и Млада погрузилась в свои мысли. Теперь она видела, как в скором времени пойдет в поход со всеми этими мужчинами. Каждого из них вёл вперёд долг перед князем или своей семьёй, хотя, может, кого-то вело и тщеславие. Не ей судить.

Такие разные и живущие как единое целое.

Млада перебегала глазами от одного лица к другому, натываясь на улыбки, любопытство и недвусмысленный интерес. Чужие люди, которые не успеют стать близкими. Многих имён она даже не запомнит. Её вела вперёд ненависть, горячая и неухающая с течением лет. Сжимающая горло раскалённой рукой. Месть, заставившая сломать саму себя, превратиться в убийцу. Такой, как она, не место среди других людей. Млада никогда и не стремилась к ним, окутанная безразличием ко всем, кто попадался на пути.

Сейчас ничего не изменилось. Не должно измениться. И как только умрут все вельды, до которых дотянется рука, она покинет дружину.

Глава 2

Млада ушла из трапезной, когда уже совсем стемнело. Лишь небо над стеной детинца ещё отсвечивало последними искрами жёлтого осеннего заката. В замке было тихо, но, если прислушаться, можно было разобрать тихий гомон женских голосов в недалёкой поварне. Да и наверху иногда приглушённо раздавались чьи-то шаги. Млада, с первого раза хорошо запомнила путь по замковым коридорам и быстро дошла до клетки. Затворив за собой дверь, остановилась и прикрыла глаза. И только мгновением позже услышала тихое шебуршание.

– Вот не думала, что тебя здесь поселят, – недовольно отозвалась сидящая на своей постели с пальцами в руках Малуша.

Последняя её доброжелательность испарилась, видно, ещё днём, у ворот детинца. Теперь женщина смотрела на Младу исподлобья, недоверчиво посверкивая тёмными глазищами. Вторая же, более молодая девица, наоборот, разглядывала её приветливо и удивлённо, слегка приоткрыв рот. Отчего её круглое и румяное лицо казалось глуповатым. Опомнившись, она коротко глянула на подругу и опустила голову, перебирая в пальцах кончик русой, толщиной в запястье, косы.

– А что ж ты думала, Малуша, – Млада неспешно прошла к своей лавке и села, убрав из-под спины дорожный мешок, – что я в хлеву прозябать буду? Или погонят меня?

– Думала, с кметями поселят. Ведь ты, вроде как, не девица, а тоже дружинник теперь, – женщина ядовито усмехнулась.

Вот, значит, как. Кошель у вора отбирать – хороша была, а как рядом села, так сразу разонравилась. Поганая, однако, бабёнка, эта Малуша. Не обмануло предчувствие.

– Меня Раска зовут, – ни к селу ни к городу влезла круглолицая девушка.

Млада глянула на неё, приподняв бровь.

– Млада.

– Сегодня только о тебе в доме и говорят, – затараторила девчонка, опасливо поглядывая на Малушу. Та же уткнулась в вышивку, будто и не слушает вовсе.

– Поговорят да перестанут, – Млада начала расшнуровывать нагрудник.

Правду сказать, она уже валилась с ног и с удовольствием легла бы сейчас спать, но соседки, похоже, укладываться пока не собирались.

Покусав губу, Раска некоторое время понаблюдала за тем, как Малуша выписывает на

ткани стежок за стежком, а потом вдруг вскочила и шагнула к ней.

– Ну, тут же! Тут, не видишь, поехала голова у петуха?

Женщина с бешенством подняла на неё глаза и отдернула рубаху от её рук.

– Сама разберусь!

Раска пожала плечами и снова уселась на место.

– А и вышивай, как хочешь. Хальвдану и так всё равно будет.

Млада отвернулась, пряча улыбку. Затылок ощутимо жгло раскалённым взглядом Малуши. Раска, поняв, видно, что болтнула лишнего, вжалась спиной в стену. Молчание наполоам с напряжением разрасталось огромным вязким комом. Казалось, от него скоро станет тяжело дышать. И стоило бы перевести неуклюжий разговор на другую тему, но Млада не удержалась:

– А что, второй воевода-то княжеский где? Только и слышу сегодня о нём, а увидеть не довелось.

Раска открыла было рот, чтобы ответить, но Малуша поспела раньше неё.

– Он еще не вернулся. Уехал по поручению князя, – нарочито безразлично произнесла она. – Ты повстречаешься с ним ещё, и сохранят тебя Боги, если ему к душе не придёшься.

– И сохранят, если придёшься... – тихо добавила Раска.

Малуша только фыркнула, продолжая сосредоточенно вышивать.

Млада вздохнула, переводя взгляд с одной соседки на другую и мысленно проклиная Бажана с его заботливостью. Уж лучше от кметей отбиваться, чем сидеть в комнате, пропитанной плотным духом извечного женского соперничества. Много раз ей доводилось видеть страшные последствия подобной едва сдерживаемой вражды. Но тут, думается, дело не пойдёт дальше зубоскальства. Не из того теста девицы.

Замаявшись сидеть в тишине, Млада переделалась, сложила вещи на лавку рядом с постелью и, забравшись под тонкое покрывало, молча отвернулась к стене. Спать хотелось невыносимо. А разгоняемый лучинами мрак клетки только сильнее давил на голову и веки.

Даже тихая возня соседок за спиной не помешала Младе через мгновение провалиться в сон.

* * *

Это сновидение не навещало Младу очень долго. Наверное, лет десять. Воспоминания о нём шевелились в душе, точно обрывки прозрачного поутру тумана, но на

поверхность не выбирались. А тут вспыхнули, как политые маслом раскалённые угли. И полыхали...

Полыхали дома вдалеке; над лесом поднимался дым, марая белые облака смрадной копотью. Млада чувствовала запах гари и боялась возвращаться. Наверное, должна была. Но не могла. Потому что так сказала мать. И Млада знала, что там, в Речной деревне – смерть. Повсюду. Пришедшая с отрядом всадников, диких, черноволосых и черноглазых, в расшитых угловатым узором кожаных сапогах. С изогнутыми мечами на поясах.

В ушах ещё звенел крик матери, влажной тряпкой в груди душил плач. Но Млада не позволяла себе разреветься. Ни сейчас, ни после. Никогда больше. Она укрылась за кустом бузины у пригорка и слушала отдалённый шум: ор, топот, треск горящих избытых брёвен – звук, с которым умирала деревня. Умирал её род. Не слышно было плеска Нейры неподалёку, стихли птицы в ветвях. Затаились. Только стоя ворон, чужая скорый пир, пронеслась в вышине, запятнав землю россыпью теней.

Млада не могла уйти дальше – ноги не слушались. Она сидела там, где силы покинули её, и вздрагивала от озноба в разгар лета. Одна. Больше в лес никто не побегал. Босых ступней касались прохладные стебли травы – Млада даже не успела обуться. Влажная от росы земля промочила рубаху. По руке полз муравей. Бузина шелестела над головой.

С тех пор Млада ненавидит запах бузины...

– Млада! Проснись! Ты чего? – кто-то настойчиво тряхнул за плечо.

– Прочь! – она вскочила, зажмурившись. Махнула рукой. – Уходи!

Тихий вскрик – и брякнул упавший на пол светец. Лучина погасла. Снова стало темно. После короткой, перемешанной с гневным бормотанием возни огонёк снова зажёгся.

– Глянь на неё! Совсем шальная, – поражённо проговорила из своего угла Малуша, поглядывая на трущую ушибленную щёку Раску. – Говорила же тебе: не лезь.

– Дык она выла так, что стража на улице, небось, услышала!

Млада отняла ладонь от бедра, к которому прижала её в надежде нащупать кинжал. И хорошо, что его не оказалось. Иначе Раска могла пострадать ещё больше. Ладно если порезом отделалась бы, а то ведь сдуру и насмерть можно пырнуть. Соседки застыли на своих местах, поглядывая недоверчиво и с лёгким отвращением. Так на улице смотрят на ободранную полоумную нищенку честные горожане, проходящие мимо.

– Прости, Раска, – Млада вздохнула и прислонилась спиной к прохладной стене. Сжала пальцы, до боли вонзая ногти в ладонь. – Просто скверный сон. Пёс знает, что на меня нашло.

Девчонка поморщилась и ещё раз тронула скулу.

– Коли синяк будет – так и скажу, что это ты меня побила, – она вдруг облегчённо улыбнулась.

– Скажи. Этому никто не удивится.

– Эдак ты нас тут всех синяками отметишь, если каждый раз спросонья кулаками будешь махать, – проворчала Малуша, снова укладываясь.

Это уж точно. Проклятый сон. И с чего бы ему снова становиться таким ярким, будто всё произошло только вчера? Не иначе виновато возвращение на земли, которые за много зим забылись так крепко, что уже и родными-то не казались. Хоть смутно помнила Млада и этот холм, где сейчас стоит Кирият, и озеро, примыкающее к нему с северо-запада. Раньше тут была деревня. Давно. Говорят, она погибла так же, как и Речная. Истреблены жители, сгорели дома... И землю её, верно, топтали косматые кони тех же черноглазых всадников, впечатывая в неё кровавые следы подков.

Подохнуть бы вельдам в Пекле! Каждому из них.

Долго бы ему пустовать, холму, омытому людской болью, если бы Кирилл не возвёл здесь город. И за суетой развернувшейся вокруг жизни как будто забылось всё, что произошло какой-то десяток лет назад. Или попросту люди об этом молчали. Млада же по дороге в Кирият нарочно обошла стороной то место, где раньше стояла Речная деревня, пусть её и тянуло туда, как воловией упряжью. Хотелось взглянуть на неё ещё раз, напитаться злостью сызнова. Посидеть на берегу Нейры под ивами, пройти тропой, которая увела её далеко от дома, сгинувшего в пожаре. Но она только ехала по Южном тракту, не сворачивая. Теперь думала, что, может, и надо было потратить лишний день, но дойти. Ведь больнее уже не будет. Никогда.

Соседки снова улеглись спать, а Млада так и не сомкнула глаз до самого утра, чувствуя, как отвратительной многоножкой елозит по хребту сегодняшней сон. Всё никак не хочет уходить. Изводит. Косое, бледное пятно света упало через окно на стену и поползло вниз. Где-то в городе, а может, и в детинце, звонко заорал петух.

Тихо посапывала Раска, Малуша спала беспокойно и постоянно ворочалась, сбивая в ком простынь. Показалось даже, что всплакнула. Млада прикрыла веки, полежала так немного и решила встать. Всё равно уже не уснуть.

В клети было зябко: хоть и жарко днём, а всё ж осень на дворе – по ночам одно что не подмораживает. Млада, чувствуя тяжесть бессонной ночи и нетерпение требующего разминки тела, села на лавке и опустила ноги на холодный пол. Отдёрнула на миг, морщась, но усилием воли встала. И только потом открыла глаза. Стараясь не шуршать и не греметь ножами, она собралась и вышла во двор.

Тут же остатки сна смахнуло прохладным утренним ветром. Рассвет уже разлил по лёгким облакам зыбкий пурпур, но, будто наигравшись, в следующий миг заменил его сияющим золотом. Вдалеке, в тёмных зарослях деревьев, которые отсюда нельзя было разглядеть, звонко чирикали зарянки. Млада, на ходу надевая перчатки и разминая плечи, пошла к ристалищам. Город и детинец ещё спали, не нарушая утреннюю тишину гулом голосов и обычных дневных звуков; только у южных ворот стражники менялись на посту, лениво поругиваясь между собой.

Но оказалось, что выйти поутру на пустующие ристалища решила не одна Млада.

В разбавленных солнцем сумерках разминался незнакомый светловолосый мужчина; по земле за ним послушно скользила вытянутая бледная тень. Он легко управлялся с длинным полоторным мечом, искусно выполненным и явно хорошо сбалансированным.

Разминался вдумчиво и последовательно, заставляя работать каждую мышцу. Прохлада, видно, совсем его не беспокоила: обнаженная широкая спина лоснилась от пота, но дыхание не было тяжёлым, да и движения, уверенные, плавные, говорили о том, что он устанет ещё нескоро.

Умелый воин, опытный. Уже переставший по-юношески расточительно относиться к собственной силе и мастерски управляющий ею. За таким и понаблюдать украдкой не стыдно. Млада медленно и тихо подошла, прислонилась плечом к опоре навеса.

Под крышей скрипнуло – и влажный утренний воздух будто бы осыпался на землю. Воин развернулся в выпаде и замер, тут же опустив руку. Несколько мгновений он серьёзно и нагло оглядывал Младу, её оружие, потом дёрнул белёсой бровью и отвернулся. Будто ничего интересного не увидел. Млада в изумлении качнула головой. Ни тебе расспросов, ни шуточек. И мало-мальского приветствия не удостоилась. Хотя она тоже хороша: так же молчала да рассматривала его, наверное, так же нахально. Даже успела приметить застарелые шрамы на правом боку воина и витую серебряную гривну на шее.

Казалось, знакомство тем и закончится – можно уходить. Однако мужчина заговорил, и в его низком, глубоком голосе неожиданно послышалась улыбка.

– Не знал, что по возвращении меня подстерегает здесь такая приятная неожиданность, – он прошёл к ограде ристалища, взял висящее на ней полотенце и снова повернулся к Младе. – Так вот она какая, нашумевшая вчера криг'хэррэ! Медведь, небось, до сих пор во сне вздрагивает и мамку зовёт. Бедолага.

Едва заметный акцент, как и необычная для здешних мест наружность, выдавали в воине чужеземца. И родича тем верегам, которых довелось видеть накануне. Уже смутно догадываясь, кто перед ней, Млада неспешно приблизилась.

– А я гляжу, все княжеские воеводы шутами подрабатывают в свободное от службы время, – ответила она, остановившись неподалёку.

Кажется, колкие слова вовсе его не задели. Воевода только громко хмыкнул и ещё раз сверкнул на Младу синими, как лазурит, глазами. И вдруг улыбнулся, будто сам себе, но холодно и жёстко.

Вспышкой в памяти возник яркий осенний день. Один из многих в детстве. Млада была на ярмарке с родителями. Тогда было хорошо. Ароматными были лесные орешки в небольшом кульке, купленные за грош у лоточника. Улыбчивыми – люди вокруг. И сестра – совсем не вредной. Жизнь бурлила и обхватывала горячими объятиями. Солнце лило тепло на прилавки торговцев. Вдалеке шумела толпа, собравшаяся, видно, вокруг чего-то очень интересного. И Млада, забыв про всё вокруг, со всех ног поспешила увидеть диво, что привлекло столько народу.

В огромной клетке, которую перевозили два смурных вола, подёргивая хвостом, сидел великолепный лесной кот. Конечно, обычным тощим и вечно блохастым, шныряющим по улицам котам было далеко до этого величественного зверя. В холке он был высотой едва не с подростка, под лоснящейся рябой шерстью перекачивались тугие мышцы. Иногда он вставал, ходил по ковanej клетке кругами и басисто рычал на окруживший его народ. Люди восхищённо охали.

Пока сестра ещё только продиралась сквозь толпу, Млада уже оказалась рядом с клеткой, никем не замеченная. Хотелось коснуться кота, провести по гладкой и

наверняка мягкой шкуре. Но когда рукой Млада уже тронула прутья клетки, за запястье её схватил один из охотников, изловивших зверя, а теперь выставляющих его за деньги зрителям.

– Ты с ума сошла, девочка? – казалось, он действительно испугался. – Этого зверя нельзя трогать, иначе останешься без руки. Хотя ты такая маленькая, что он без труда затащит тебя в клетку и сожрёт целиком! Отойди! И где только твои родители ходят!

Млада смотрела на охотника полными слёз глазами. Кот будто притягивал, и она не видела ничего страшного в том, чтобы его погладить. Уходя, она последний раз обернулась и встретилась со зверем взглядом. В его глазах был такой же холод и превосходство, которые виделись сейчас на лице верега.

И он был так же притягателен и опасен.

Воевода махнул перед лицом Млады полотенцем и, когда она встрепенулась, улыбнулся шире.

– Не проснулась ещё? – он обтёр шею и грудь, пристально всматриваясь в её лицо. – Говорю, Хальвданом меня зовут. А ты можешь не представляться. Стражники от ворот меня едва отпустили – уж так о тебе рассказывали. Так рассказывали, что я чуть от восторга прямо на месте не помер.

– Что-то не похож ты, воевода, на того, кто едва не помер.

Хальвдан снова бросил полотенце на ограду и взял меч, повёл могучими плечами, явно красуясь.

– Сочту за похвалу, – он подошёл. Так близко, что это можно было бы посчитать угрожающим... или неприличным. – Уж справедливости ради, коли мне вчера не довелось оценить твоё боевое мастерство, предлагаю сейчас устроить небольшой поединок, – голос верега стал вкрадчивым, будто он не сразиться предлагал, а лечь к нему в постель.

Млада помолчала, чувствуя почему-то острую необходимость испытать его терпение.

– Можно и позабавиться. Я всё равно хотела размяться.

Воевода прищурился.

– Позабавиться, говоришь? – в его устах это прозвучало совсем иначе. И по спине пробежал колючий холодок. – Пусть так.

Хальвдан сделал несколько шагов назад, не сводя с Млады насмешливого взгляда. Она тоже вынула меч, только мельком отметив, что сейчас оружие в руках вовсе не турнирное. Но это показалось настолько незначительным, что даже глупо говорить.

В этот раз Млада напала первой. Верег рванулся навстречу и парировал легко и мощно. Тут же ушёл в сторону. Млада повернулась за ним. Выпад. Неразбуженное тело отозвалось лёгкой вялостью. Воевода увернулся, отбил её клинок небрежно, едва коснувшись. Как по носу щёлкнул. Хорошо. И ловок, зараза. Млада медленно вдохнула и больше в атаку бросаться не стала – тоже отступила. Кровь, разгоняясь, понеслась по телу. На миг стало жарко, словно в лицо плеснули

горячей водой. Но тут же растревоженные после сна мышцы налились знакомой упругостью и силой. Стало спокойно и прохладно.

Хальвдан, мягко ступая, медленно обходил Младу поодаль. Оглядывал, будто приценивался, покачивал клинком. И вдруг сорвался с места. В несколько шагов настиг, ударил снизу вверх и закружил – только успевай отбиваться. Млада отступала и снова нападала, чётко и уверенно парируя каждый удар. Руша защиту неожиданностью приёмов. Верег пытался заманить её в свой ритм, надо сказать, умело. Но она сопротивлялась. И уже чувствовала, что одерживает верх. Оборона верега наконец дала трещину.

Сильный удар по ногам – и небо с землёй поменялись местами. Млада рухнула, как трава под косой. Клинок верега просвистел над ухом. Показалось, что даже волосы на виске колыхнулись. Утрамбованная земля была твёрдой, Млада еле убереглась от того, чтобы не приложиться затылком. И тут же откатилась в сторону.

Верег упал на колено. И с размаху воткнул клинок в то место, где она только что лежала. На добрую пядь воткнул – не поскупился.

Млада усомнилась на мгновение, что воевода в своем уме. Она вскочила и напала сбоку. Верег ловко отклонился. Развернулся, пригнувшись, и вдруг обхватил Младу поперек талии и снова повалил на землю. Широкой ладонью мягко придержал под спину, не давая удариться. Чем разозлил ещё больше. Млада попыталась вывернуться, но воевода не пускал. Как жаркими тисками сдавил. До ушей донесся его тихий смех.

Млада с силой ударила Хальвдана оголовьем меча между лопаток, вырвалась и дотянулась до скрамасакса. Притворно охая, воевода привстал и замер: острый клинок упёрся ему в щёку. Тут верег засмеялся в голос и поднял руки, оставив свой меч на земле.

– Ладно, я сдаюсь! Я не могу сопротивляться, – он медленно отстранился, косясь на нож. – Если бы войска врагов состояли из таких воинов, я бы никогда не стал воеводой и десять лет назад послал бы Кирилла к бесам собачьим. Разве можно убивать такую красоту?

Воевода встал, отряхиваясь, и подал руку Младе. Она убрала меч и скрамасакс в ножны, недоверчиво глянула на протянутую ей ладонь, но всё-таки приняла помощь. Но не успела ещё подняться, как воевода сильно дёрнул её на себя. А другой рукой попытался обхватить за талию. Обоняние тронул запах пота, перемешанного с запахом кожи воеводы. Млада увернулась от объятий, но Хальвдан удержал её. За кого он её принимает? За дворовую девку? Свободной ладонью Млада тяжело хлестнула верега по лицу. Тот, не обратив на это никакого внимания, ухватил её за второе запястье:

– Это даже приятно, – хрипло произнес он и усилил хватку.

Едва слышно скрипнула кожа перчаток. Хальвдан подался вперёд, опустив ставшие почти чёрными глаза на губы Млады. И в то же время потянул её к себе. В голову ударило жаром. Млада извернула ладони и, только почуяв слабинку, дёрнула руки из оставшихся в пальцах верега перчаток. Выхватила из ножен меч. Рукоять обожгла ладонь так, что потемнело в глазах.

Воевода качнулся назад и едко улыбнулся.

– Так вот каковы твои забавы, криг’хэrrэ. Прости, недопонял.

Млада вдруг почувствовала себя до невозможности глупо. Зарубить – не зарубит, конечно, но рука аж подрагивала от желания проучить наглого верега. На счастье, за спиной громыхнул ворчливый голос Бажана:

– Вижу, вы познакомились уже.

Оказывается, он стоял, облокотившись на ограду ристалища, и наблюдал за ними. Млада, только мельком глянув на него, снова убрала меч в ножны и отступила. Хальвдан с усмешкой вернул ей перчатки.

– Да уж, познакомились, – он поднял свой клинок и придирчиво его осмотрел.

– И размялись заодно... – продолжил бурчание Бажан. – Только ты, Хальвдан, похоже, забыл загодя размяться в другом месте.

– Пожалуй, ты прав, – скривился верег и провел пальцами по покрасневшей щеке. – Но все девушки спали, когда я вернулся. Не буду же я их будить: самый сладкий сон перед рассветом. Славного воина вы тут в дружину без меня взяли, – он кивнул на Младу. – Убила меня, я даже испугаться не успел!

Это неслыханно! Он проиграл поединок из-за своей несерьезности, да ещё и издевается! Шут гороховый! Остро захотелось съездить ему по второй щеке. Но, сдержавшись, Млада только невольно посмотрела на ладонь, ещё горящую от соприкосновения с рукоятью меча. Никаких следов ожога не было, как всегда. Просто так меч забирает то, что причитается взамен на помощь в бою. Млада не хотела знать, что клинок заберёт, если она зазевается. Она сжала и разжала пальцы.

Хальвдан, чуть склонив голову набок, ещё раз внимательно посмотрел на неё. Млада ответила неподвижным тяжёлым взглядом. Воевода хмыкнул. Надев рубаху, он прихватил пояс с ножнами и направился к замку. Бросил напоследок:

– Пойду, кнеза проведаю... Он, наверное, меня видеть желает.

Бажан вздохнул и глянул ему вслед, а потом повернулся к Младе.

– Хороша... Ох, хороша – воеводе мечом грозить. Вылететь из детинца хочешь пинком? В первый же день.

– Руки не будет распускать.

– Проверял он, чего ты стоишь, – Бажан потёр глаза. – Ну, и задница ему, может, твоя приглянулась. Не суть. Только с Хальвданом Снэх’арреном лучше дружить. Не гляди, что он с виду москолуд[6], каких поискать.

– Это ж как дружить с ним прикажешь, воевода? – Млада скрестила руки на груди.

– По щеке хлестануть было достаточно. Он к такому привыкший, – Бажан тихо хохотнул.

Млада и сама невольно усмехнулась.

– Сделанного не воротишь.

– Это верно, – вздохнул воевода. – Только приглядываться к тебе Хальвдан теперь будет вдвойне внимательнее. И спуска не даст.

Бажан задумчиво обвёл взглядом ристалища, где уже потихоньку собирались кмети. И вдруг развернулся и ушёл. Млада подавила стон. Один воевода темнит. Второй теперь, глядишь, обиду затаил. Вот и начался день.

Ко всему прочему она как будто ещё чувствовала пальцы Хальвдана на запястьях, и в воздухе будто до сих пор витал его запах. От этого на шее приятно поднимались волоски. Млада провела ладонью по лицу, отгоняя неуместные, давно забытые ощущения.

«Ты – огонь и вода, ты – ветер и песок. Ты – стихия, которая ничего не чувствует, но знает тысячу способов убийства. Ты мертва, но нет никого живее и сильнее тебя. Помни это».

– Я помню... – одними губами произнесла Млада.

Она помнила все уроки Наставника. И потому это пройдет. Нужно лишь привыкнуть.

Оказалось, заданием князя для Хальвдана было привести в дружину лучших воинов восточного ополчения. Но поговаривали, мол, причина того, что князь отослал воеводу из детинца, совсем другая. Как бы то ни было, только прибывшие кмети наряду с остальными сейчас толклись во дворе, иногда уходили в кузню, видно, чтобы подобрать себе оружие, шумно знакомились с дружинниками и даже верегами. Те встречали их с заметной прохладцей во взглядах. Новичков оказалось не так и много – всего несколько десятков. Но целый день во дворе и на ристалищах царила лёгкая неразбериха, которую пытались унять мастера обучения и сотники.

Жизнь вокруг плескалась, как вода в бурной реке – Млада чувствовала себя врытым в землю камнем на её пути. Она постоянно оказывалась не у дел. И в конце концов отчаялась переговорить хоть с кем-то из старшин, чтобы её определили для обучения отроков. Тренировки вместе с другими кметями она считала для себя бесполезными. Но от неё лишь отмахивались. А кто и посмеивался.

Млада молчала и терпела. А потом отправилась в дом, махнув на всё рукой. Только не дошла.

Кто-то из верегов окликнул её походя:

– Что же ты всё мимо и мимо, криг'хэrrэ?

И Млада пошла бы себе дальше – подобные окрики приходилось слышать за сегодняшний день уже не раз. Но уж больно стало интересно, что значит то слово, которым её называл утром Хальвдан, а вот теперь и этот верег. Она остановилась и повернулась к светло-русому парню, который тут же довольно усмехнулся. Он стоял, прислонившись спиной к стене дружинной избы, и щурился на солнце. Его голубые глаза казались невероятно яркими.

– Что это значит?

Верёг приподнял брови.

– Что именно? – по-немерски он говорил не так чисто, как воевода, но уверенно и бегло. – Криг’хэrrэ? – Млада кивнула. Верёг на мгновение задумался. – Воительница. Так у нас на Клипбьёрне[7] называют воительниц. И там их гораздо больше, чем здесь. Глядя на тебя, мне даже вспоминается дом, – он снова улыбнулся. – Только косу бы тебе... посветлее. И погоду здесь похуже. На Клипбьёрне, поди, дождями всё залило.

– И хороши ваши воительницы в бою? – Млада просто дивилась своему любопытству. Но чем-то улыбочивый верёг её привлёк. Наверное, просто с непривычки.

– Не хуже некоторых мужчин, – пожал плечами парень и добавил чуть тише: – Но хуже, чем ты.

Он вдруг зажмурился и оглушительно чихнул.

– Будь здоров, Вагни, – ещё издали гаркнул Медведь. Такой же бодрый и бессовестно радостный, как всегда. Он подошёл и встал рядом с Младой, кивнул на неё: – Что, первым делом решил ей голову заморочить? Не слыхал, как Хальвдан поутру схлопотал? Так же хочешь?

– А ты, Бьёрн[8], теперь в сторожевых псах ходишь? – верёг ехидно изогнул губы. – Думается, она и сама за себя постоит, раз так.

Млада закатила глаза и пошла прочь. Ещё не хватало оказаться посреди двух огней в тот момент, когда мужчины решили поспорить. А уж становиться причиной этого спора после неприятного сна да скверного знакомства с воеводой настроя и вовсе не было. Хоть самолюбие кого из девиц это могло и потешить. Она только услышала, как Вагни и Медведь ошарашенно замолчали за её спиной.

Однако через мгновение тишина сменилась торопливым звуком шагов – кметь поспешил следом. Млада готова была зарычать от негодования. За эти пару дней Медведь, похоже, прочно уверился, что ей просто необходима его опека. Нет, разговаривать с ним душа никак не лежала.

Млада заозиралась в поисках спасения от вездесущего дружинника. На глаза попался только ближайший мастер обучения. Тот гневно покрикивал на крепкого, но малость неуклюжего отрока, который больше баловался и хитро поглядывал на стоящих вокруг братьев, чем тренировался. Пару раз его сшибло с бревна тяжёлым мешком, но он не унывал.

– От... раззява, – рявкнул мастер, проглотив более крепкое словцо, и покосился на Младу.

Она направилась к нему, на ходу придумывая, о чём бы поговорить, только Медведь догнал её гораздо раньше.

– Чего хмурая ходишь весь день? – обезоруживающе улыбнулся он.

И как он так умеет? Ведь прилипнет – убить хочется. А улыбнётся – и кажется, что не так уж и надоел. Но Млада безжалостно задавила в себе тёплый проблеск и тоскливо глянула мимо.

– Спала паршиво.

– Бажан сегодня ходил, бухтел, что ты бездельничаешь, только слоняешься кругом, – Медведь загадочно усмехнулся. – Я еле отбил тебя. А то выволочку устроил бы – будь здоров.

Уж ворчание воеводы беспокоило Младу меньше всего. Видно же, что без злобы бурчит, для порядка. А Медведь-то, похоже, гордится невесть как тем, что защищал её весь день. Ну, дитё. Хоть и косою сажени в плечах.

– И чего же Бажан мне это сам не сказал? Пережила бы. Выволочку-то.

– А оно тебе надо? – парень поскрёб пальцами заросший подбородок. – С воеводами лишней раз пререкаться. Они, конечно, мужики толковые, но как вцепятся, бывает, так с мясом не отдерёшь. Особенно Хальвдан. Этот вообще временами скотина порядочная. Бажан потише будет. Но тоже, как скажет – будто булавой саданёт. А ты всё ж девица.

Млада громко фыркнула. Усердствующий на ристалище отрок глянул на неё, пропустил удар мешком и снова сверзился в пыль. Мастер, уже не сдерживаясь, ядрёно выругался. Другие отроки его поддержали.

– Девица, а разделала тебя, хоть и турнирным мечом, – проговорила Млада, склонившись к плечу Медведя.

Тот лукаво ухмыльнулся.

– А может, я поддавался.

Она промолчала. Поддавался, ну как же! И воевода нынче тоже, небось, поддавался. Только потели они оба при этом очень уж усердно. Кметь посмотрел, долго, тягуче, и вдруг придвинулся ближе, мягко провёл ладонью по её талии. Шустрый какой, руки бы оторвать до локтей! Но Млада не дёрнулась, не разразилась громким возмущением: просто отстранилась так, чтобы этого не заметили остальные. Ни к чему шум поднимать.

Кметь напрягся, но виду постарался не подать, даже руку за спину убрал. А Младу уже подхватило волной подтачивающего её весь день раздражения. Не остановить.

– У меня тоже вопрос к тебе есть, Медведь, – холодно проговорила она и прищурилась, глядя на далёкие заросли деревьев. – Чего ты хочешь от меня? А? Что ты обхаживаешь меня, как тетерев на току? Думаешь, забота мне твоя нужна? Сама с воеводами разберусь! И каждое их слово выслушаю, если на то надобность будет. А ты не лезь лучше, иначе огребёшь похлеще Хальвдана. Я в другой раз плясать вокруг не буду – сразу коленом ударю, куда надо.

Медведь не ответил, только покраснел, будто на солнце перегрелся. Млада долго смотрела, ожидая, что он как-то оправдается. Даст повод позубоскалить, обидеть, уколоть сильнее. Чтобы ему стало так же паршиво. И злилась, распалаясь его молчанием, упиваясь собственной не выплеснутой за день яростью. Но Медведь не проронил больше ни слова, будто принимал любую вину, которую на него свесят. И в кого ж он такой терпеливый уродился?

Млада вздохнула, обогнула его и ушла, готовая дать по лицу каждому кметю, что

косо на неё посмотрит или скажет ещё хоть слово. Хватит с неё сегодня мужского внимания – как сговорились!

Но они не смотрели.

На душе было гадко.

Шум двора стих, когда она вошла в замок. Здесь было прохладно и почти ничего не видно после яркого осеннего солнца. Млада едва не наощупь побрела по коридору, пока не пропали из глаз ослепительные пятна. Остановилась возле своей клетки, надеясь хоть там найти уединение. Но, к сожалению, изнутри слышались громкие всхлипывания и приглушённое бормотание. Млада чуть поразмыслила, стоит ли заходить, но всё же толкнула дверь.

Внутри пахло травами. Тысячелетником и, кажется, мятой. Окна были скорбно занавешены, отчего в клетке стоял плотный полумрак. Тем более что дело уже к закату. Малуша лежала, уткнувшись лицом в колени Раски, и её плечи сотрясались от рыданий. Девчонка молча без остановки гладила женщину по голове, а в другой руке сжимала кружку с травяным отваром.

– Что произошло? – проходя мимо, бросила Млада.

Она не слишком-то хотела услышать ответ. Причины для слёз у женщин находятся больно уж часто. Поругалась с кем из служанок, получила по шее от старших женщин за оплошность или безделье, потеряла любимую ленту – мало ли что могло произойти. К чему голосить так, что слышно снаружи?

– Хальвдан... – Малуша едва смогла прервать рыдания. – Не хочет больше... – и снова уткнулась в понёву Раски, и без того уже мокрую насквозь.

Млада поджала губы. Этого она почему-то не ожидала. По дому, конечно, ходили слухи о связи воеводы с Малушей. И уж как бы мало Млада тут ни пробыла, а наслушалась их вдоволь. Особенно сегодня. Даже разок успела заметить Малушу, окрылённую и сияющую, с корзиной стиральной одежды во дворе. Но всё это было настолько далеко от её интереса, что в памяти не задержалось. Голову занимали совсем другие мысли.

Что ж, видно, сильно Хальвдану вышитая рубаха не по нраву оказалась, раз тут такой потоп.

Она обернулась. Раска только пожала плечами. Похоже, подробностей не дожидаться. Малуша слишком занята своим горем. Она как будто с наслаждением подвывала и шмыгала носом, нисколько не сбавляя громкости. Млада неспешно сняла оружие, подошла, схватила её за локоть и рывком подняла на ноги.

– Пойди, умойся!

Раска вскинула руку к губам. Малуша последний раз икнула и замолкла, уставившись в упор. Млада тряхнула её, приводя в чувство. Женщина недоуменно моргнула, но всё же пошевелилась и без возражений вышла из клетки.

Млада прошла по комнате, отдёргивая с окон занавески, отобрала у Раски кружку и поставила её на стол. А потом молча легла на свою лавку, закинув руку за голову. В тишине гораздо лучше.

– Хальвдан сегодня сказал Малуше, что больше не хочет с ней видаться, – не дожидаясь вопроса, выдохнула Раска. Хоть Млада и не собиралась больше ничего спрашивать. Она повернулась к девушке, и, встретившись с её взглядом, та осеклась, понурилась.

Так, в молчании, они пробыли недолго. Млада, припоминая утреннюю встречу с воеводой на ристалище, вздохнула.

– Что ж она в нём нашла? – проговорила она тихо. – Убивается так, словно корову-кормилицу волки в лесу задрали. Не один, так другой найдется. Вон их сколько кругом ходит. Только и гляди, чтобы не спотыкаться.

Раска вскинула голову, немного подумала, теребя в пальцах понёву, и дёрнула плечом.

– Любит она его.

Любит... Да только Хальвдан не оценил её любви. Сразу видно: хорош девицам под юбки лазить. Взгляд острый, цепляющий, почти колдовской. А голос рокошет – ну точно кот, как ни поверни. И опять же Бажан сказал... Да, пожалуй, такого любить – проще сразу на суку удавиться.

– Разве гоже служанке на воеводу заглядываться?

Раска невесело усмехнулась.

– Кто ж служанке запретит глядеть? Хоть на воеводу, хоть на князя самого? А у них это давно тянется. Ни шатко, ни валко. Малушка-то, она вдовая, детишек двое... Я сопля была, понёвы не носила, когда она здесь появилась да с Хальвданом повстречалась. При живом муже ещё. А там муж-то ейный почил от лихоманки. Малуша будто рехнулась совсем, помешалась на воеводе. А он-то ходок знатный, – девушка вдруг зарделась. – Вот и завертелось. То там, то сям их вдвоем замечали за самым... гм... непотребным. Много-то о них не говорили, но княже всё узнавал. Долго терпел да не выдержал. А тут ещё такое приключилось, что Малушка от воеводы понесла. Бабы наши старшие быстро знахарку притащили, чтобы дитя в её чреве извести. Говорят, княже приказал. И Лерх, его лекарь, мог с тем управиться, но мараться не стал. Потом, как Малуша после выкидыша отошла, отослали её к матери с детишками на время. А Хальвдан недавно уехал мужчин в дружину набирать. Вот так вот всё обернулось.

Млада с ночного недосыпа почти задремала под рассказ Раски и не сразу заметила, что та замолчала. Не очень-то ей были интересны все эти истории про воеводу и его любовниц, но иногда лучше выслушать. Раз уж собеседник из неё плохой. Раске, похоже, то и надо было. Она совсем пригорюнилась над судьбой Малуши и даже сама начала тихо всхлипывать.

– Перестань! – рявкнула Млада и раздражённо села на постели.

– Да как же так-то? – проямлила Раска. – Как так можно? Она ж любит его...

Млада много нелестного могла бы рассказать девчонке о силе мужских привязанностей, но не успела. Вернулась Малуша. Лицо её припухло от слез и покраснело, потеряв изрядную долю привлекательности. Женщина взяла полотенце и

стала вытираться. До слуха донеслись её приглушенные слова:

– Небось, рада, что так вышло? – Малуша подняла взгляд, наобум швырнула полотенце в угол и шагнула к Младе. – Знаю я... Вижу. Глаз на моего мужчину положила? Утром кто с ним во дворе по земле в обнимку катался?

Млада усмехнулась и кашлянула, стараясь не показать Малуше, как сильно ей хочется расхохотаться прямо ей в лицо.

– Думала бы лучше, что болтаешь, – спокойно произнесла она, задавив в груди рвущийся наружу смех. – Я тебе не соперница и не за тем сюда пришла, чтобы замуж выскочить. Воеводу своего с потрохами можете скушать от большой любви. Или на куски порвать. Мне всё едино.

– Врёшь, гадина!

Млада не выдержала и встала. Малуша невольно отпрянула.

– Ой, не надо меня во вранье обвинять... Я на это дело жутко чувствительная.

Малуша всё-таки сделала ещё шаг к ней, но замерла в нерешительности. Наверняка, прекрасно понимала, что, если затеет драку, не выйдет из неё победительницей. Млада бесстрастно наблюдала, как злобу на лице женщины сменяет сомнение. Раска зашевелилась на своём месте, решая, видно, стоит ли влезать. Но тут Малуша развернулась и раздосадовано выскочила из клетки.

– Вот зачем ты так? – Раска бросила на Младу взгляд, полный упрёка, и вышла следом.

«Бесы бы вас драли, дурынды!» – тихо проговорила Млада и снова уселась на лавку.

Если так дело дальше пойдёт, то недавний изматывающий путь до Кирията покажется великой благодатью. А уединённая жизнь – и того больше. Похоже, нигде в этом доме нельзя было спрятаться хоть на время. Потому Млада в клетки задерживаться не стала: чего доброго вернётся Малуша с новыми глупыми обвинениями. Сложно придумать более скверное завершение не слишком-то удачного дня.

Она вернулась во двор и пошла дальше от дружинных изб, разглядывая землю под ногами, в очередной раз размышляя, правильно ли поступила, придя в Кирият. Ведь ей здесь не место, среди стольких людей, глядящих с интересом, а то и с дружелюбием на неё. На ту, которая только и заслужила за всю жизнь, что болтаться на шибенице. Но Млада твердила себе, что по-другому поступить не могла.

Погода стояла тихая, сонная. Небо заволакивало влажной дымкой. Казалось, воздух можно раздвинуть руками, до того он стал плотным к вечеру. К запаху пыльной, разогретой солнцем травы примешался ещё один, чуть пряный. Приятный и домашний. Через мгновение он перекрыл другие; Млада подняла взгляд – она оказалась в том саду, что видела издали – и прошла дальше меж яблонь. Кудрявились поредевшие кроны над головой; отяжелевшие ветви клонились к земле. Тут и там слышался стук падающих яблок. Тени от ещё не опавшей листвы скользили по лицу, чуть кривые стволы обступали кругом, словно приглядывались. Тонко и пронзительно пахло лёгкой сыростью. Сад был запущенным, заросшим лопухами и крапивой. Похоже, никто давным-давно сюда не заходил и яблок не собирал. Тишина, царящая здесь, навевала

умиротворение и спокойствие. Растворялись в насыщенном, вязком воздухе остатки прошедшего сна.

Млада сорвала яблоко, обтёрла о рукав и надкусила. Сладкое. Видно, нынешнее лето тут выдалось жарким. А сад большой и явно старше детинца. Наверное, помнит ещё тех, кто жил на этом холме раньше. Он-то уж точно не забыл.

Медленно плутая между яблонь, Млада вышла на обширную поляну. И замерла, не сразу сбросив с себя задумчивость. А между тем место посередине сада нашлось занятное.

Окруженные невысоким бревенчатым забором, на поляне кругом стояли восемь каменных идолов, в середине высился ещё один – самый громадный. Капище. Но сюда не вела даже жалкая заросшая тропинка. Неужто, Боги здесь забыты так же, как и яблоневый сад? Последние рассеянные лучи солнца золотили верхушки истуканов, окутывая их головы мягким ореолом. Идолы ещё не успели сильно зарости мхом или просесть в землю: они были так же молоды, как и Кирият. Видно, при строительстве детинца богам отдали должное, возведя капище, но этим всё и закончилось.

Млада, озираясь, догрызла яблоко и подошла ближе. Удивительно, но капище будто опутывали тонкие ветряные нити. Воздух, неподвижный в саду, здесь шевелился и тёл. Как дыхание. Млада попробовала шагнуть в нарядные резные ворота, но будто невидимая рука толкнула её в грудь. Достойна ли войти? По телу пронеслась лёгкая дрожь и покалывание. Млада на мгновение засомневалась, но, преодолев странное сопротивление, всё же обошла капище, разглядывая каждого идола.

Их лики были высечены с мастерством и заботой, каменные глаза смотрели как живые. Здесь были и старцы с бородами, спускающимися до самой земли, и жутковатые звероподобные существа, и женщины с бесконечной мудростью на недвижных лицах. Казалось, стоит пройти мимо, как они поворачиваются и провожают взглядами.

Что это за Боги? Млада как будто их не знала. Наверное, раньше, в детстве, они были другими. Ведь её род не принадлежал к немерскому – он был гораздо древнее. Но понемногу вымирал. К тому же Млада давно не верила в Богов, тропа к ним в душе заросла так же, как и тропа из детинца – сюда. И правильно – какой толк? Разве справедливые Боги могли допустить гибель народа, который их чтит, возносил молитвы, приносил дары? Разве они могли допустить мучения, страх, слёзы?

Богов нет, есть только люди... Жестокие твари, убивающие друг друга по своей прихоти. Из века в век, придумывая всё новые способы. Своими или чужими руками. И руками Млады тоже. Много лет она смотрела на людскую ненависть, жадность, зависть. Пропиталась ими насквозь. Захлебнулась. Но продолжала убивать, не живя и не дыша больше, чем требуется. Так легче.

И странно, что именно на капище она почувствовала, насколько омертвела. Почти как эти истуканы.

Млада остановилась рядом с выбеленным солнцем жертвенным камнем. Похоже, он пустовал давно, только птицы, будто насмехаясь, оставляли на нём пятна испражнений. И главный идол, огромный и хмурый, гневно смотрел на это безобразие, бессильный хотя бы отвернуться. Его застывший серый лик почти кривился от немыслимого мучения и обиды. От его фигуры веяло тревогой и угрозой. Точно с жутким скрежетом он вот-вот поднимет руку и хватит кулаком по земле.

Безразлично смахнув с жертвенного камня случайную веточку, Млада поёжилась, хоть вечер ещё не растерял накопленное за день тепло. Девять пар глаз сверлили её с высоты, вдавливали в землю. И почему-то здесь было не по себе. Как будто она лишняя и в этом застывшем в безвременье месте.

Млада подняла лицо к небу. Звезды уже пробивались сквозь лиловый закатный свет и кружились, словно подхваченные водоворотом; камни едва слышно пели на ветру, и яблони вокруг вторили их голосам. Всё-таки странное место. Оно точно втягивало в себя, как зыбучие пески. Млада постепенно проваливалась в пустоту, чёрную и непроглядную. Восемь существ приближались со всех сторон, молчаливо изучая человека, посмеявшегося нарушить их многолетний покой. Их лица не были добрыми, и Млада почувствовала себя виноватой в их недовольстве. Рядом стоял девятый. Его взгляд уперся в спину холодным камнем.

Негромкий шорох травы под ногами неподалёку заставил развеяться липкое, тяжёлое наваждение. Млада притаилась и плавно скользнула за одного из идолов. Прошла, по привычке прячась в тених, до забора. Снова прислушалась. Шаг лёгкий и неширокий. Скорей всего, девушка. Всё же ходит кто-то на капище, возможно, даже просит о чем-то Богов. Чудно. Млада осторожно выглянула, когда шаги затихли.

На залитой тускнеющим светом поляне стояла незнакомая девушка. И, наверное, только слепой не смог бы различить в ней знатности рода, к которому та принадлежала. Светлую кожу будто выточенного из льда лица оттеняли тёмно-рыжие выщипанные волосы, распущенные и только от висков убранные к затылку. Можно было поклясться чем угодно, что девица-то тоже из верегов. Такой жестоко-холодной красоты в здешних землях не встретишь. Если только баба какая от северянина дочку не прижила.

Девушка постояла немного, покручивая в пальцах сорванный где-то сухой стебелёк ковыля и снова пошла к капищу. Зашелестело её длинное, из плотного льна платье, которое касалось подолом земли и в зыбких сумерках казалось изумрудно-зелёным. У ворота и по краю рукавов оно было богато расшито золотой нитью. Не иначе привезённой из далёкой Диархавены.

Млада продолжала таиться и перебирала в голове всё, что ей правдами или неправдами удавалось выведывать в пути о князе и тех, кто его окружает. Некоторые – большей частью женщины – поговаривали что-то о девице, которую Кирилл якобы привёз с Медвежьего утёса себе в жёны. И, вестимо, это была дочка конунга – иная князю по роду не положена. Но со свадьбой у них не сложилось, а северянка осталась жить в Кириате.

Вот только, как зовут девушку, Млада припомнить не могла. Важным её имя тогда не показалось. Мало ли, с кем князь ложе делит.

И Млада уже хотела выйти навстречу – а то девица испугается чего доброго – но из тени яблоневого сада следом показался Хальвдан. Ноги будто приросли к земле. Воевода шёл так же неспешно и ехидно разглядывал спину девушки. Та, видно, уже услышала его шаги, но оборачиваться не торопилась. Только напряглась едва заметно, приостановилась. И до капища не дошла.

Ругая на чём свет стоит обострившееся не ко времени любопытство, Млада прижалась спиной к забору. Поразмыслив, дёрнулась выйти, но снова замерла. Проклятье! Душу терзала злорадная удаль. А чего бы и не послушать, о чём говорить будут? Может,

чего полезного в словах и сыщется.

– Геста! – протянул верег. – Давно я тебя не видал. Куда же ты пропала? – в его голосе слышалась насмешка.

Млада медленно выглянула, не опасаясь, что её увидят. Уж научена от чужих глаз скрываться. А тут, в сумерках, чего проще. Воевода стоял перед Гестой, скрестив руки на груди, на его лице играла приветливая улыбка, но глаза сквозили холодом и неприязнью.

– Я тоже рада видеть тебя, Хальвдан, – тоном, от которого того и гляди покроется инеем трава, ответила девушка. – Что ты тут делаешь? Думала, ты оставил своих Богов на Севере, как и свой род. А ты, оказывается, тоже захаживаешь сюда. Уж сколько лет в Кирияте живу – и не знала. Для чего? Просишь послать тебе в постель ещё сотню девиц? Сам уже не справляешься.

Хальвдан скабречно усмехнулся. А в его глазах по-прежнему не мелькнуло и тени улыбки.

– С девицами я разберусь уж как-нибудь без их, – он кивнул на капище, – помощи. Просто хотел понаблюдать, как ты будешь молиться чужим Богам о том, в чем тебе не смогли помочь наши... Любопытство меня взяло. – Воевода подошёл к Гесте почти вплотную. Склонился с высоты своего роста и тронул её за подбородок. Не ласково – требовательно. Та дёрнулась. – Ты же позволишь мне глянуть на это? В конце концов, я чуть не стал тебе родственником.

– Перебьешься... – выплюнула Геста и отошла подальше.

– Я всё тешу себя надеждой, что вот проснусь однажды, а ты отчалила на Клипбьёрн, – беззаботно продолжил Хальвдан, обходя девушку сбоку. – Но судьба, видать, много меня баловала, чтобы одарить ещё и этим.

– Ох, договоришься ты, Хальвдан, – с угрозой процедила Геста, отбросив в сторону надоевшую травинку. – Не сдобровать тебе, как только я стану княгиней...

Воевода прервал её оскорбительно громким смехом. Геста вспыхнула и сжала маленькие кулачки. Воинственная, хоть, наверняка, и оружия-то ни разу в руках не держала. Что там Вагни говорил про северных женщин? Может, в каждой из них сидит криг'хэртэ.

– Ну, уж со мной ты можешь не притворяться, – Хальвдан наконец успокоился, – я прекрасно знаю всё о тебе и твоих уловках, которые, впрочем, не сослужили пока хорошей службы. Кирилл что-то не торопится тебя в жёны брать. Сколько уж лет тебя в постель просто так таскает?.. Стар стал, не помню. Да ты другого и не заслуживаешь. И даже молитвы всем на свете Богам не помогут тебе стать княгиней.

Геста молчала, и казалось, воздух сейчас треснет от напряжения, которое нарастало с каждым мгновением. Они не сводили друг с друга ненавидящих взглядов. Хальвдан нагло улыбался. Северянка мяла в пальцах ткань платья. Последняя их притворная вежливость осыпалась за ненадобностью.

Млада почувствовала себя ещё гаже, чем раньше. Подслушивала ведь сродни распоследней сплетнице в доме. И дёрнул её бес здесь прятаться! Решительно, день не задался с самого утра.

Она вздохнула и, громко прокашлявшись, неспешно вышла к собеседникам.

Первым её увидел воевода. А затем повернулась и Геста. На лице северянки промелькнул испуг, который тут же сменила гримаса недовольства. Польшнули злобой глаза необычного янтарного цвета. Но Хальвдан не дал девушке высказаться.

– Уж не знаю, чьих Богов и благодарить! – он расплылся в улыбке и воздел глаза на ближайшего к нему истукана. – Я сегодня только и мечтал, чтобы снова тебя встретить... – показалось даже, что он сейчас разведет руки и кинется к Младе с объятиями. С него станется.

Она на всякий случай попятилась.

– Да ты рад каждой встречной-поперечной девице, – сочла нужным ядовито уточнить Геста. – Так что, деточка, на твоём месте я бы не обольщалась! Этот паскудник обесчестил здесь уже многих девиц, даже до моей служанки добрался.

– Надеюсь, ты не Тору имеешь ввиду? – с притворным возмущением вскинул брови Хальвдан. – Как бы я женщин ни любил, а она всё ж для меня старовата.

Геста прикусила губу, больше не в силах, видно, тягаться с верегом в словоблудии, и перевела взгляд на Младу. Та постаралась сделать отсутствующий вид. Северянка глубоко и медленно вздохнула и пошла обратно к дому. Только напоследок бросила на верега тяжёлый, как пудовая гиря, взгляд.

Хальвдан некоторое время хмуро смотрел ей вслед, на щеках его ходили желваки. И он не шевелился, пока Геста не скрылась из виду. Млада стояла за его спиной, даже не зная, что и делать. Уйти тоже – так получится, что она постыдно сбежала, а ведь провинилась, надо признать. Остаться – придётся объясняться с воеводой. И тут не вдруг решишь, что из этого хуже.

Верёг наконец медленно развернулся к ней. Недавняя улыбка без следа исчезла с его губ. Сейчас они были твёрдо поджаты. Колючий взгляд ощупывал, будто пробовал на слабину.

– Мало того, что подглядывать любишь, так теперь ещё и подслушиваешь, значит, – угрожающе проговорил воевода. – Уж больно мне не верится, что ты под забором на капище задремала случайно. А тут вдруг проснулась, и в тебе разыгралась совесть.

– Может, и задремала. Тихо тут, хорошо.

Хальвдан усмехнулся одним уголком рта.

– А в клетке тебе спокойно не спится? Одно что на кнезову постель тебя не уложили – отдыхай, сколь угодно. Тем более ты сегодня сильно-то не напрягалась. То в поварне пряталась, то на отроков из-за спин мастеров пялилась, то с Медведем судачила.

– И всё-то ты знаешь, – оцетинилась Млада.

Разговор повернул в нехорошую сторону. А желания и сил сглаживать его, прикидываясь дурочкой, не было. Да и верёг, судя по его мрачному виду, к тому не стремился.

– На то я тут и воевода.

– Воевода, – хохотнула Млада. – Ой ли! Отсюда не разобрать.

Хальвдан громко хмыкнул и глянул скорее удивлённо, чем рассерженно. Младе стало жарко, когда она поняла, что ляпнула. Но ещё не совсем сошла с неё сегодняшняя угрюмая злоба. Плеснула-таки напоследок.

– Это ничего не меняет, – воевода безразлично повёл плечом и добавил задумчиво:
– А ты, вижу, никому раньше не служила.

– Что с того?

Хальвдан сощурился, на этот раз не добро и даже не насмешливо.

– А иначе ты знала бы, что подобные слова могут дорого тебе обойтись. Я тебе не смерд, хлещущий брагу в харчевне. И то, что я сейчас стою тут и улыбаюсь, терплю твою наглость, вовсе не значит, что завтра ты не полетишь из детинца, как из пращи.

– Не твоя воля меня тут оставила, воевода, – прошипела Млада, шагнув к нему ближе.

– Слышал я эту байку. Что сам кнез распорядился, – Хальвдан поднял руку и убрал со лба Млады прядь волос. Подавившись собственным вдохом, она отшатнулась. – Только коленки от того у меня не подкашиваются, и внутренях не замирает. Уж прости.

– И всё ж не тебе меня гнать. Смирись.

– Смелая, – понизив голос, почти шепнул воевода. – По полям-весям послонялась, кучку сброда шугнула пару раз – и возгордилась. Под ноги чаще поглядывай, а то так и споткнуться недолго. Вот я смотрю и всё думаю, что ж в тебе кнез такого увидел, раз сразу в кмети принял? По мне – так обычная баба, хоть и драться на мечях умеешь неплохо... От работы отлыниваешь, подглядываешь и подслушиваешь при случае. Будто мало нам сплетниц. На твоё счастье, кнез меня не спросил, принимать тебя в дружину или нет. А то ты бы уже дома у мамки сидела да грибы сушила над печкой. Или в поле снопы вязала. Чем там у вас занимаются...

Горечь поднялась в груди. А ведь почти утихла за день, сменившись обычным безразличием. Ни разу верег в своих догадках не попал в правду. Но как будто делал это нарочно, как будто знал, куда сегодня её можно ударить.

– Да что ты знаешь о моей семье и моём доме, чтобы так говорить?

Млада отступила, вглядываясь в лицо Хальвдана, чужое, как и остальные здесь. И не понимала, чего ждёт. Он молчал. На капище уже опускалась осенняя мгла, и на небо взбирался ущербный месяц стареющей луны. Смолкал едва различимый голос посада за близкой стеной детинца. Стало прохладно. А от недоверчивого, стылого взгляда воеводы делалось только хуже.

Она развернулась уходить.

– Правда твоя, – бросил в спину Хальвдан. – Я ничего не знаю. И знать-то не хочу. Надолго ты тут всё равно не удержишься.

И то верно.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/voin-zabveniya-granitnyi-chertog-b5910>